

РУССКИЙ МЕНЕДЖЕР

Декабрь 2015

Выпуск 3/22

With
English
pages

7 ОЧЕРКОВ
О КРЕАТИВНЫХ ЛЮДЯХ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Справедливая власть
Сильный бизнес
Благополучные граждане

РУССКИЙ МЕЦЕНАТ

Аркадий Соснов — главный редактор
Игорь Домрачев — арт-директор
Андрей Зайцев — фоторедактор
Алла Бернадуччи — спецпроекты
Максим Неизвестных — фотограф
Мария Разумовская — фотограф
Елена Морозова — корректор

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 5, к. 213, Тел./факс (812) 328 2012
Тел. +7 (921) 909 5151, эл. почта: sosnov@pressa.rus.net
Сайт: www.rusmecenat.ru

Председатель попечительского совета М. Б. Пиотровский

Учредитель: Аркадий Соснов, e-mail: sosnov2003@yandex.ru

Издатель: Санкт-Петербургская общественная организация
«Журналистский центр международного сотрудничества»
Адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 5
Тел./факс (812) 323 3063, эл. почта: interjour@spbrc.nw.ru

Доставляется руководителям органов власти,
компаний, учреждений культуры, НКО

Представитель в Великобритании —
Юлия Попова, rusmaecenas@gmail.com

Альманах зарегистрирован Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС2-8864
от 01.11.2007. Номер подписан в печать 04.12.2015. Отпечатан в типографии
«Премиум Пресс». 197374, Санкт-Петербург, ул. Оптиков, 4
Тираж 2000 экз. © «Русский Меценат», 2010

Использование материалов только с письменного разрешения редакции. Мнения
авторов могут не совпадать с мнением редакции. Редакция не несет ответственности
за содержание рекламных материалов. Все рекламируемые товары и услуги
имеют необходимые сертификаты. Все права защищены

На обложках:

Санкт-Петербург стал территорией творчества.
Фото Александра Петросяна.

Проект реализован
на средства
гранта
Санкт-Петербурга

Здравствуйте!

Территория творчества

Стоит произнести «Санкт-Петербург», по ассоциации возникает: Нева, белые ночи, окно в Европу, Эрмитаж, Мариинский театр, Невский проспект, культурная столица... Вообще магически красивый город... Наверное, такой образ складывается у многочисленных гостей и влюбленных в него на расстоянии. Образ верный, но не полный.

Город с населением пять миллионов — сложный механизм, живая переменчивая материя. И важно увидеть тех, кто создает его новый облик, формирует современный бренд Санкт-Петербурга. Это не обязательно мега-звезды балета или светила мировой науки. А просто умные, энергичные, наделенные талантом жить и творить люди, которых принято называть креативным классом.

Джордано Бруно однажды сказал: 'Se non e vero e ben trovato' («Если это и неправда, то хорошо придумано»). Эту поговорку не раз цитировали классики: Достоевский, Булгаков...

А если то, что придумано, — правда? Если придумщику удалось воплотить свою идею и добиться ее общественного признания? Таких людей, где бы они ни работали — в бизнесе, в образовании, в культуре,

в «социалке», — мы называем успешными, состоявшимися, творящими новую реальность. Благодаря им сам город становится территорией творчества. Их немало в Санкт-Петербурге, жаль, что лишь семерых мы представим в этом номере.

Важно отметить: наши герои самодостаточны, без комплексов ущемленного самолюбия, на равных общаются с коллегами и партнерами из разных стран. Их знают и ценят за конкретные свершения, но хочется, чтобы знали и ценили еще больше. Именно поэтому номер двуязычный, русско-английский. Это поможет донести информацию о креативных людях и проектах Санкт-Петербурга и до зарубежного читателя.

Напоследок раскрою страшную редакторскую тайну: с ними порой приходилось несладко — и в силу их занятости, поглощенности своим делом и нежелания отвлекаться на постороннее, и по причине сложности характеров, присущей одаренным личностям. Недаром считается вредной прекрасная наша профессия...

Нескучного чтения!

Аркадий Соснов,
главный редактор альманаха
«Русский Меценат»

ЭФФЕКТИВНАЯ ПРАКТИКА

ИЗ ЧИСТЫХ КОМНАТ ВИДЕН РЫНОК

Олег Жеребцов поднимает
отечественную фармацевтику / стр. 4

МОДЕЛЬ, ПОДРОБНАЯ КАК ЖИЗНЬ

Сергей Морозов воплотил
в грандиозном макете собирательный
образ России / стр. 12

ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ

НА КОЛЯСКАХ В СВОЕ ПОМЕСТЬЕ

Андрей Домбровский учит
жить молодых людей
с инвалидностью / стр. 18

УПС!.. И ЗРИТЕЛИ СМЕЮТСЯ

Лариса Афанасьева
развивает уникальный
проект цирка для уличных
сорванцов / стр. 24

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ЛУЧШИЕ КНИГИ В ЛУЧШЕМ ПОРЯДКЕ

Константин Шавловский
создал самый знаменитый
магазин-клуб
в Петербурге / стр. 30

*25 ЛЕТ БЕЗ ПРАВА
ПЕРЕДЫШКИ*

Сергей Шуб построил
международный
театр-фестиваль / стр. 36

ИНВЕСТИЦИИ В ИНТЕЛЛЕКТ

*СВЕТ МОЙ,
ЗЕРКАЛЬЦЕ, СКАЖИ!*

Сергей Стафеев придумал
и открыл лучший в мире
Музей оптики / стр. 44

Художник Сергей Шмыков в рамках библиотечного проекта Фрунзенского района
«СделайЧехова» собрал из 891 кубика Рубика портрет классика русской литературы.
Фото Святослава Акимова («Метро»)

Открытие Рождественских книжных аллей на Малой Конюшенной улице.
Писатель Валерий Попов и редактор детского журнала «Костер» Николай Харлампиев.
Фото Ольги Каратаевой

Из чистых комнат виден рынок

БИЗНЕСМЕН ОЛЕГ ЖЕРЕБЦОВ ПОДНИМАЕТ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ФАРМАЦЕВТИКУ

Аркадий СОСНОВ. Фото: Мария Разумовская, пресс-служба завода Solopharm

Препараты в юнидозах имеют массу преимуществ для потребителя.

Несмотря на демократичную внешность (футболка, джинсы), генеральный директор нового фармацевтического завода Solopharm Олег Жеребцов встретил меня сухо: «Вы опоздали на десять минут. Придется вычесть их из времени, отведенного на разговор». Стены просторного кабинета увешаны большими фотографиями яхт, рядом с технологической схемой — майка с автографами шкиперов команд — участниц кругосветной регаты Volvo Ocean Race 2008–2009 годов: в той гонке Жеребцов был баковым матросом на единственной российской яхте «Косатка», которую сам же замыслил, когда еще возглавлял созданную им сеть гипермаркетов. Каким ветром занесло его в фармацевтический бизнес, чья территория на стыке медицины и здоровья населения таит множество ограничений и опасностей, чем вдохновлялся, за счет чего намерен потеснить с аптечных полок

импортные лекарства? Вопросов было много и десяти потерянных минут жалко.

Я уж не стал объяснять директору, что потратил их, перемещаясь с экскурсией по его заводу, на бесконечные переодевания в халаты и шапочки, а бахил на моих ботинках иногда оказывалось по две пары. Solopharm выпускает стерильные лекарственные формы (флаконы, ампулы, шприцы с растворами для инъекций, инфузий, ингаляций), стерильность достигается и тем, что полимерную упаковку по модной технологии BFS (Blow-Fill-Seal) одномоментно выдувают, заполняют раствором и запаивают, избегая контакта с воздухом, и забота о чистоте возведена в культ.

Суммарная площадь чистых комнат на производстве и в лабораториях — 3 тысячи квадратных метров. Четыре зоны чи-

GMP (Good Manufacturing Practice for Medicinal Products) — международные нормы для фирм-производителей, обеспечивающие контроль качества лекарственных средств и БАД. Стандарт свидетельствует, что продукт для здоровья изготовлен в соответствии с заявленной формулой (составом), не содержит посторонних включений, надлежащим образом маркирован и упакован, сохраняет свои свойства в течение указанного срока годности.

Годовая производительность завода: 35 миллионов бутылок инфузионных растворов, 280 миллионов пластиковых ампул с растворами для инъекций, 10 миллионов баллончиков назальных спреев, 60 миллионов пачек офтальмологических препаратов.

Совет по инвестициям поддержал предложение присвоить статус «Стратегического инвестиционного проекта Санкт-Петербурга» проекту расширения производства фармацевтического завода Solopharm.

Управление информации —
пресс-служба Администрации
губернатора Санкт-Петербурга.
29.10.2015

Олег Жеребцов:

— Образ предпринимателя у нас изрядно испорчен. Считается, что это человек, который набивает карманы, живет исключительно монетарными интересами. Но если ты работаешь в режиме нон-стоп и лишь изредка видишь своих детей, да и то спишь рано утром и поздно вечером, то деньги для тебя не главное. Они лишь измеряют эффективность того, чем ты занимаешься.

Эффективная практика

стоты, четыре ступени очистки воздуха, шесть этапов водоподготовки, включая смягчение и дистилляцию. Мало того, что Олег Жеребцов, выкупив участок 4 гектара на Охте, за два года построил из ярко-желтых и серебристо-серых кубиков завод-игрушку, «немножко капитализма на городской окраине», — он замахнулся на особо чистый капитализм.

Экскурсия была нескучной: меня встречали горделивые автоклавы Том и Боб, элегантные машины по выпуску ампул, мультидоз и юнидоз для офтальмологии Алекса, Веста и Клара и линии по производству инфузий Оскар и Рекс, проницательные хроматографы для анализа качества продукции Холмс и Пуаро. Одушевленное производство придумал Олег Жеребцов, как он говорит, «чтобы веселее жить». Коридоры снабжены табличками «Улица Итальянская», «Ундер-ден-Линден» (дань уважения партнерам — поставщикам новейшего оборудования). Были там и улицы Профессора Попова и Доктора Борменталья (знай наших!), и лофты для отдыха с Wi-Fi и телеэкранами Южная и Северная верфь (верность морской тематике).

В мелодичном названии Solopharm тоже уловим идейный подтекст. Завод — сольный проект, вне особой экономической зоны, куда попали другие предприятия городского фармкластера, построен на частные инвестиции, которые, Жеребцов уверен, являются самыми эффективными: пусть государство контролирует бизнес, и только. «Лишь частный капитал способен создать что-то ликвидное и конкурентоспособное, — изрек он, впрочем, не питая иллюзий насчет полной автономии. — Мы же не делаем электричество, а получаем, хотя его качество нас не устраивает: фазы ходят ходуном, нашим линиям это во вред».

Но главная прелесть этой игрушки, знаете в чем? Завод с импортной (в основном) начинкой, отвечающий международному стандарту GMP, выпускает качественные, востребованные и доступные российские препараты. С учетом грамотных инженерных решений, низких энерго- и трудозатрат Жеребцову и его

Эффективная практика

команде удалось снизить цены на лекарства на 30–40 процентов, по сравнению с зарубежными аналогами. На заводе разрабатывают 57 препаратов для пульмонологии, ортопедии, отоларингологии. Больше всего — 22 раствора — для офтальмологии (несколько уже прошли апробацию в клинике Медицинского университета и зарегистрированы); еще недавно этот рынок был полностью занят иностранной продукцией. Страна не может обеспечить граждан банальными глазными каплями? Что ж, Solopharm, по оценкам директора, в ближайшее время на четверть закроет российские потребности в препаратах для лечения глаукомы (она занимает первое место среди причин инвалидности по зрению).

Главный (на протяжении тридцати с лишним лет!) офтальмолог Комитета по здравоохранению Санкт-Петербурга профессор Юрий Астахов показывал мне эти препараты в полиэтиленовых юнидозах — уникальная российская разработка, освоенная на Solopharm. Преимущества — отсутствие консерванта, стерильность, фиксированная доза, экономный расход, удобство применения хоть дома, хоть в дороге. Два года назад Жеребцов пришел к нему в Медицинский университет с характерным вопросом: «Скажите, в каких препаратах вы нуждаетесь?»

Юрий Сергеевич поверил в него с первой встречи: «Я увидел единомышленника, убежденного, что мы можем выпускать свои лекарства высокого качества, пусть сначала на импортном оборудовании, но с растущим вовлечением российских компонентов и лабораторных разработок. Олег Викторович из категории людей, которые привыкли бросать себе вызов, трудности их лишь подстегивают».

Седовласый мэтр настаивал на том, что от таких жестких, упертых максималистов зависит судьба отечественного здравоохранения — ни больше ни меньше. Может, поэтому директору не до лишних разговоров? Он из генерации предпринимателей, родившихся на волне перестройки. Иных уж нет, а те далече, но

Эффективная практика

«Косатка» несла на своих парусах гуманистическую идею спасения китов.

Уроки той гонки Олег Жеребцов применяет в организации бизнеса.

Мне хотелось бы, чтобы в это непростое время люди (не только врачи) на примере Олега Викторовича Жеребцова поверили, что в России можно и нужно делать свое и высокого качества. Пусть сейчас хотя бы на импортном оборудовании, но — свое! И с каждым годом это производство будет иметь все больше отечественных компонентов.

Юрий АСТАХОВ,
главный офтальмолог Комитета
по здравоохранению Санкт-Петербурга

вот Олег Жеребцов собственной персоной живет и трудится в России, не считая зарубежных командировок.

В 1988-м, отслужив в армии, поступил в Горный институт, кстати, делил комнату в общежитии с известным, в том числе своей эпатажностью, бизнесменом Олегом Тиньковым. Оба занимались мелкой коммерцией типа «купи-продай». Что — неважно: музыкальные диски, одежду, косметику, чуть позже компьютеры — идея легкого обогащения через торговлю манила тогда многих студентов. Но скоро пути Олегов разошлись, не только из-за несходства характеров. Просто через год Жеребцов из института ушел в свободное плавание, а еще три года спустя открыл свой первый магазин формата cash & carry. Первая точка благодаря внедрению IT и сетевых технологий, логистических складов, систем контроля за прохождением товаров и прочих ноу-хау преобразилась в сеть из 32 гипермаркетов по России — это был новый уровень торговли, адекватный эпохе массового потребления.

На недостаток образования Олег не жалуется, организацию торговли постигал с присущей ему дотошностью, объездив сотни гипермаркетов в разных странах. Так же было и с английским языком, который поначалу изучал, переводя со словарем факсы от иностранных партнеров: «Пока ползаешь на коленках вдоль магазинного плинтуса где-нибудь в Оклахоме, навсегда запомнишь, как он называется». К тому же перед Volvo Ocean Race полтора года тренировался в Англии.

Наверное, в сухопутном детстве и шахтерской юности в Казахстане и на Кавказе, где на рудниках работал отец, Олег недобрал морской романтики. Она его захлестнула в зрелости. Но дерзкая попытка пересечь планету наперегонки с лучшими в мире яхтами удалась лишь отчасти. Пройдя от испанского Аликанте через Кейптаун, она завершила гонку в индийском Кочи. Там сплелось много причин, и не последней был грянувший финансовый кризис. И все же у стен Петропавловки под проливным дождем красавицу с дельфиньим силуэтом овациями встречали сотни петербуржцев.

Эффективная практика

Сегодня сам он признает: «Круто, что мы ворвались в элиту парусного спорта, но по большому счету были в ней дилетантами. Дело не только в спортивной составляющей. Даже я, бизнесмен, не представлял всех сложностей управления проектом. Нас было аж 38 человек, и лишь 11 — «мокрая команда», остальные на берегу — техники, инженеры, врачи, менеджеры».

«Косатка», смоделированная в Саутгемптоне при введении участия Жеребцова, не подвела, на отдельных этапах показывала рекорды скорости. Не хватило матерых офшорных гонщиков в экипаже, точной навигации, финансовых ресурсов, что было видно по белым, без рекламы, парусам «Косатки». А без спонсоров с брендами калибра «Эрикссон» и «Пума» не поспоришь. Но и такой опыт Жеребцов считает бесценным. Уже после Volvo Ocean Race он в составе российской команды выиграл чемпионат Европы и открытый чемпионат Великобритании, чем особо гордится, в ее акватории.

В гонке, на пределе физических и моральных сил, он навсегда усвоил: чтобы конкурировать с лучшими, самому надо быть на уровне лучших по всем параметрам. Поэтому бескомпромиссно оснащает завод лишь техникой последнего поколения: «Если не инвестировать в новейшее оборудование, то через три-четыре года мы потеряем задел. При этом нельзя расслабляться, мол, купил сегодня и на века. Завтра появится новый процессор или станок — парень, который его применит, вас обыграет. Ставка на новое сопряжена с риском (нераскрученная технология может обернуться пустышкой). Но, когда вы бьете в десять точек в четырех-пяти сегментах фармакологии, два-три точных попадания обеспечены».

По опыту Volvo Ocean Race, не доверяясь лишь рекрутинговым компаниям, Олег не жалеет личного времени на собеседования с новыми работниками (их за последний год прибавилось более шестидесяти). Гонка многое открыла ему в себе самом: «Ночью лезешь на мачту или тащишь парус и не знаешь,

Чем хороша юнидоза? Во-первых, не содержит консерванта, который, как правило, является несколько токсичным для глаза. Во-вторых, удобна в исполнении и в применении. И, в-третьих, что самое важное, есть все основания полагать, что отечественные юнидозы не будут по цене значительно отличаться от того же количества препарата в упаковке по 5 или 10 мл. Юнидозы производства иностранных компаний очень дороги.

Эффективная практика

что будет в следующую секунду. Что-то ломается, рвется, налетает шквал. И чувствуешь, вот прямо сейчас свалюсь в океан. Иногда кажется: всё, больше не могу. Четыре дня подряд кажется, на пятый достигаешь результата. И снова не могу, тогда говоришь себе: стоп, Олег, calm down, с тобой это уже было, но ты перетерпел». Этой устойчивости к непрерывному стрессу баковский матрос «Косатки» учился у мастеров офшора. И постарался привнести ее в свой стиль ведения бизнеса, хотя некоторые вещи его бесят, например архаичная система дистрибуции лекарств по аптекам. Опять же, у него опыт другого, ритейлерского бизнеса, там тоже пришлось менять государственную систему распределения продовольствия. Завод уже заключил договоры со 116 компаниями по России, и эта сеть будет разрастаться.

Жеребцов понимает социальную значимость своего бизнеса: она еще и в том, чтобы создать на этих отбитых у пустыря 4 гектарах атмосферу стабильности и комфорта для 250 трудящихся Solopharm, получающих, помимо зарплат, премий и социального пакета, ощущение сопричастности большому делу. Он любит наведываться в лабораторию: «Ты видишь светлые лица разработчиков, которые не просто “смешивают молекулы”, а создают лекарства, которым мы даем путевку в жизнь, и могут потрогать результат в красивой упаковке». Но подспудно им движет стремление преуспеть в том, что не по плечу другим, он принял вызов: «Фармацевтика — материя благородная, но неблагодарная, имеет заградительные барьеры для многих вследствие сочетания разнообразных сложностей. В России она еще и дорогая, потому что привозная. Когда мы покупаем современную линию и начинаем выпускать лекарства, они падают в цене колоссально и становятся доступнее для людей. И если мы совершим прорыв, для меня это будет элемент самореализации».

В этом бизнесе ему интересно, он придумывает не только названия машин, но и новых лекарств (Гилан, Оксифрин, ЛинАква),

Эффективная практика

которым суждено стать брендами. Кстати, о ЛинАкве — это его идея: выпускать в юнидозах и аэрозольных баллончиках 100% стерильную морскую воду для орошения полости носа и горла. Источник — залив Сен-Мало в Бретани, где, по данным экологов, самая чистая в мире и насыщенная минералами вода. Могли бы взять байкальскую, но вода нужна солоноватая, морская. Кроме того, у французской воды, как и у французских духов, особый маркетинговый шарм. На заводе шутят: «У нас есть отдел разработок, отдел контроля качества и есть Олег» (именно так, без отчества).

И в этом бизнесе ему есть куда расти. На резервных площадях 1,7 гектара проектируется новый корпус с цехами по выпуску гормональных препаратов, вакцин, биотехнологической продукции — еще шесть линий, которым, конечно, подберут звучные имена, гигантский роботизированный склад, бытовой комплекс и прочие аксессуары производства XXI века. Импортзамещение лишь начало: Олег Жеребцов просчитывает выход на конкурентные рынки — от Восточной Европы до Латинской Америки — не только с качественными дженериками, но и с оригинальными лекарствами.

...Он все-таки вернул мне те десять минут, вспоминая Volvo Ocean Race. Посетовал, что загоняет себя в цейтнот, не уделяет должного внимания семье, забросил занятия спортом. Признался, что мечтает через два-три года передать оперативное управление заводом спецам по этой части и заняться стратегическими проектами, возможно, создать новую компанию — по выпуску препаратов на основе генной инженерии. «А пока я директор с огромным количеством бумажек, встреч, совещаний, планерок. С января написал 17 тысяч электронных писем, до конца года еще тысяч семь добавится. Вот ритм, в котором живу двенадцать часов в сутки, шесть дней в неделю, сегодня, например, обедал три минуты», — объяснял свои натянутые отношения со временем Олег.

Несмотря на сложное мироощущение, он верит, что все у нас будет хорошо, хотя кому-то из бизнесменов и несладко придется на российских горках. Здоровая рыночная экономика победит, доля государства в экономике снизится, а частной инициативы — возрастет, профессионалы потеснят демагогов и растяп, и качественные лекарства будут доступны населению — за что он и сам поборется.

Чистые помыслы, чистые руки плюс чистые комнаты — наверное, это немало?

У Олега Жеребцова сложные отношения со временем — его катастрофически не хватает.

Модель, подробная как жизнь

СЕРГЕЙ МОРОЗОВ ВОПЛОТИЛ В ГРАНДИОЗНОМ МАКЕТЕ СОБИРАТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ РОССИИ

Владимир ПЕТРОВ. Фото: Максим Неизвестных

Недавно разговорился с молодой четой из Казахстана, приехавшей в Петербург погостить на недельку.

— Что у вас в программе?

— Эрмитаж, Летний сад, петергофские фонтаны, большой макет России...

— Что за макет?

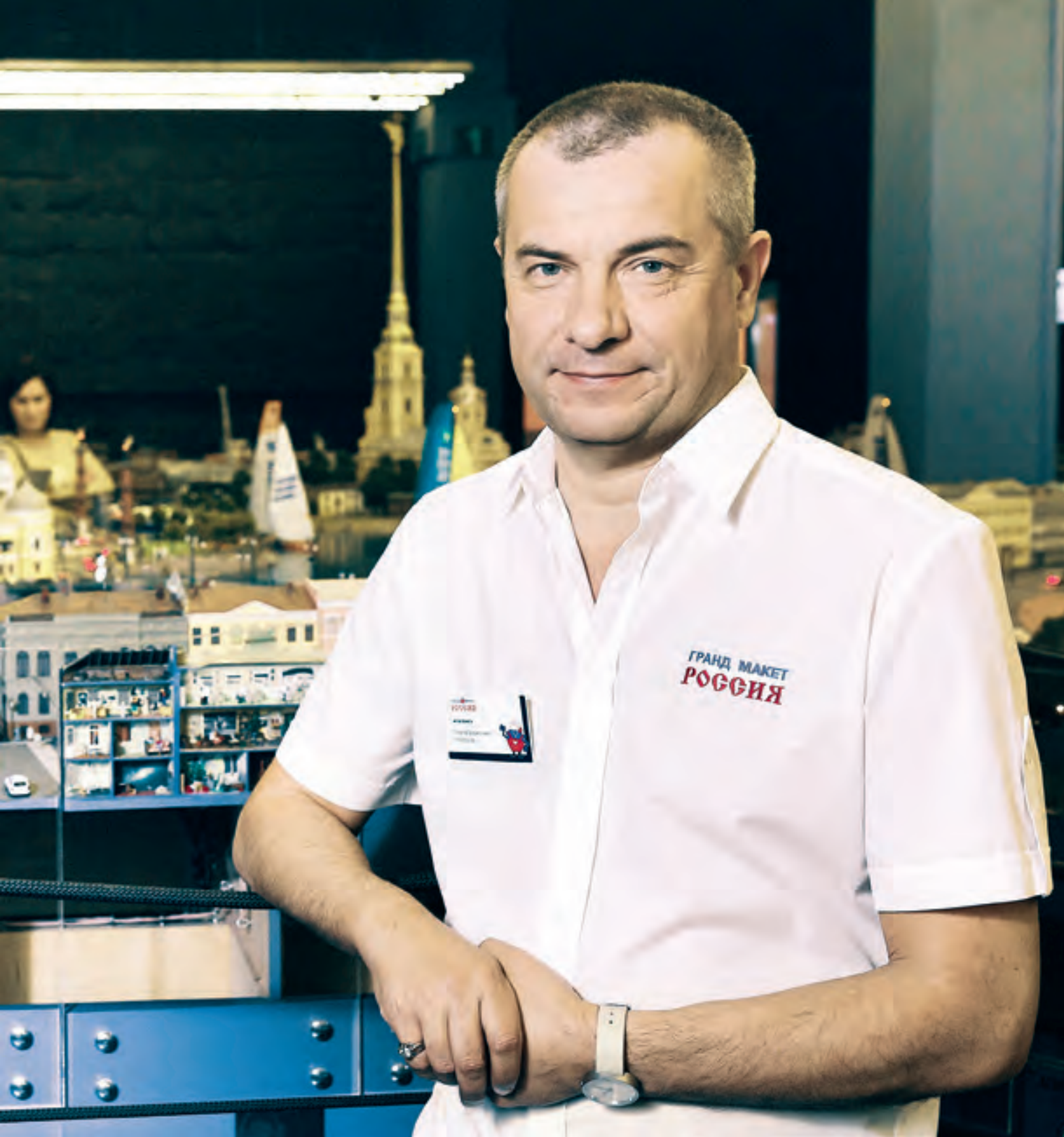
— Как, не знаете? А нам друзья рассказывали!

Я навел справки и теперь знаю, что такое национальный шоу-музей «Гранд Макет Россия». Более того, всем настоятельно рекомендую его посетить.

Последнее дело — пытаться слепить достоверный образ из сухих цифр, особенно когда «лучше один раз увидеть». И все же попробуйте вообразить страну, раскинувшуюся на площади 800 квадратных метров: разнообразные ландшафты и аквато-

рии, мосты и тоннели, здания и стадионы... Сменяются день и ночь, снуют по своим выверенным маршрутам две с половиной сотни поездов и столько же автомобилей. Еще десятки и сотни транспортных средств, строительных машин и прочих агрегатов оживляют пейзажи недвижно. Население этой страны — более 10 тысяч жителей (полимерных человечков) участвуют в различных — серьезных и курьезных — сюжетах, так хорошо нам всем знакомых. Знакомых потому, что эта миниатюрная чудострана — Россия. Такой ее представил себе когда-то Сергей Морозов, вполне успешный предприниматель, которому для полноты жизни не хватало почему-то воплощения именно этой идеи.

Первотолчка Морозов вспомнить не может — утверждает, что возникла некая внутренняя потребность сделать это. Да, всегда любил макеты, да, в детстве была дома гэдээровская

Различные представления об образе России конструируют и разные сценарии будущего развития страны. Визуальный образ «Гранд Макета» позволяет идентифицировать Россию как часть европейского культурного пространства. Ее восприятие как равноправной части Европы, в первую очередь самими россиянами, должно способствовать созданию адекватного образа страны, формированию ее положительного имиджа. В этом смысле «Гранд Макет Россия» — один из самых патриотичных брендов Российской Федерации... И замысел проекта, и его воплощение — пример настоящего патриотизма, ставящего служение идее выше сиюминутных материальных интересов.

Сергей КУМЧИЙ,
историк искусства

Москва как столица России и Санкт-Петербург как родной город автора проекта представлены наиболее зримо. Своеобразный акцент сделан и на российский Дальний Восток, причем подчеркнут его европейский облик.

Сергей Морозов:
— Отклики посетителей — это главная оценка нашего труда.

Эффективная практика

железная дорога, но то, что он придумал, вовсе не было продолжением детских игр. К реализации замысла приступил в 2008 году, как раз под экономический кризис. Отступить, откладывать на более благоприятную перспективу — не в его правилах, поэтому на новое дело пришлось не только бросить средства других своих бизнесов, но и пожертвовать любимым — распродать часть коллекции скульптур арт-деко, на тот момент одной из богатейших в России.

Соратников искал не среди моделлистов — с ними дальше разговоров не продвинуться, пригласил инженеров, которым нужно было просто корректно поставить задачу. Уже по ходу дела стал интересоваться возможными аналогами. В Гамбурге есть подобный музей — «Миниатюр Вундерланд», поэтому призвал в помощь немецких специалистов, пусть и не из этого музея. Один из них за огромные деньги отработал на большой российский макет три месяца, успев сформировать у Морозова твердое убеждение: если человек сделал множество прогулочных лодочек, это еще не значит, что он способен построить круизный лайнер. Увенчала его деятельность символическая коллизия. В разгар строительства — уже был создан ландшафт и прокладывались магистрали — заграничному знатоку был задан естественный вопрос: а где и как, уважаемый, предлагаете устроить люки, через которые будет обслуживаться макет? Ответ был обескураживающий: а это ваши проблемы! Тогда Морозову стало окончательно ясно, что полагаться нужно исключительно на своих спецов. Тех самых люков теперь на макете — 160; они замаскированы так, что посетителям их не обнаружить, даже персонал ориентируется по специальной карте.

Разумеется, в макете использовано немало готовых идей, но все они адаптированы к данному проекту. Команде Морозова пришлось заниматься исконно русским делом: подковывывать блоху, в данном случае иностранную. Нужно отдать должное западным партнерам: они по достоинству оценили доработки и

улучшения своих изделий и узлов, сменив скепсис и снисходительность на уважение и заинтересованность в сотрудничестве. Тем более что в макете есть уникальное ноу-хау. Если движением миниатюрных поездов по рельсам давно никого не удивишь (кстати, им управляет программа, аналогичная той, что используется на реальной железной дороге), то с автомобильным трафиком все куда сложнее. Прежде всего потому, что требуется периодическая подзарядка аккумуляторов. Так вот, в российском макете эта проблема решена радикально: машинки бегают по дорогам без заправки благодаря чудесам электромагнитной индукции. Алгоритм их сложных перемещений Морозов уподобляет аквариуму: рыбки плавают, как им заблагорассудится, но за пределы отведенного объема им не выбраться!

Макет работает уже четвертый год. За это время записями посетителей заполнено уже четыре десятка книг отзывов!

Марина Трапенкова приехала с сыном из Благовещенска Амурской области.

Все как в жизни: сценка на пляже.

Эффективная практика

Автор проекта Сергей Морозов (справа) и технический директор Максим Иванцов. Планерка не отходя от макета.

Пульт управления.

Впечатления большей частью восторженные, много забавных, а наиболее популярная претензия: почему на макете нет нашего родного города?! «Отклики посетителей — это главная оценка нашего труда, — говорит Сергей Морозов. — Приятно, когда люди благодарят, тем более что публика у нас требовательная, особенно когда платит деньги. Что касается отсутствия конкретных городов и поселков, я не устаю повторять: наш макет — собирательный образ России, и нужно уметь абстрагироваться. Ведь нас же ничуть не смущает, что Штирлиц в любимом фильме говорит по-русски».

Морозов часто апеллирует к кино. «Существует макетирование архитектурное, презентационное — неживое; наш макет соотносится с ним как кино художественное с документальным». Художественность на макете создается не только живым замысловатым движением, но и узнаваемыми жанровыми сценками в широчайшем диапазоне: от демонстрации с лозунгами и транспарантами до кортежа с мигалками и охраной. Автор абсолютного большинства сюжетов, подсказанных жизнью, — сам Сергей Морозов: «Прислали нам бумагу с образцами отчетности по проведению субботника, надлежит указать, сколько кустов посажено и где, — а у нас ни сантиметра земли! Так появилась сценка про субботник, где один с лопатой, а несколько человек вокруг — с бумагами».

Морозов подчеркивает, что это не фига в кармане, а просто ироничный взгляд на жизнь. Он государственник, но без розовых очков, поэтому не может не обращать внимания на окружающие проблемы. «Кто-то размахивает флагами, надевает футболки с портретом президента. А патриотизм, по-моему, начинается с качества собственного труда», — эту чеканную формулировку автор большого макета России несколько раз произнес по ходу нашего разговора. Он считает самой актуальной задачей государства — внедрить в сознание людей эту мысль.

Эффективная практика

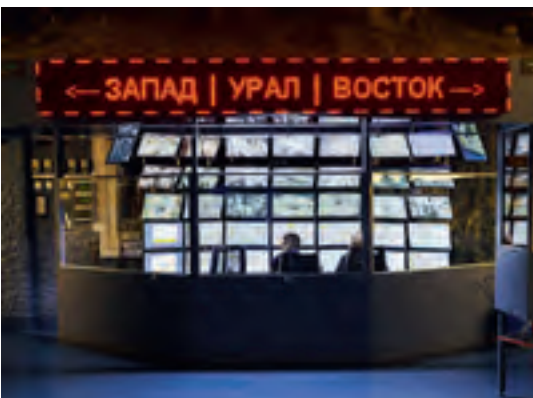

Фото слева направо сверху вниз:
Широка страна моя родная...

Питерские будни: жилой дом в разрезе.

Через каждые 12 минут день над страной
сменяется двухминутной ночью.

Реки на макете сделаны из
двухкомпонентной эпоксидной смолы.
Как, впрочем, и Байкал.

Сравнительно новый фрагмент музея —
олимпийский комплекс Сочи-2014.

Воздушные шары — часть макета.

Россия — страна спортивная.

На колясках в свое поместье

АНДРЕЙ ДОМБРОВСКИЙ УЧИТ ЖИТЬ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

Сергей ТЕПЛОВ. Фото: Мария Разумовская

В настешь распахнутом мире.

По дороге в Новый Петергоф Андрей Домбровский рассказывал мне о системе учреждений с говорящим названием ПНИ — психоневрологические интернаты. В ПНИ направляют воспитанников профильных детских домов по достижении ими 18 лет, фактически на всю оставшуюся жизнь. Типичный ПНИ, например № 3 в Старом Петергофе, — общежитие больничного типа на 1300 жильцов, с многоместными палатами. Дисциплина, режим, расписание, полное государственное обеспечение и никакого пространства для развития личности.

— Одна санитарка, еще в детском доме, упрекала нас, волонтеров: что вы тут митингуете, ведь они все чистенькие и сытенькие, чего еще нужно? А нужно человеку прежде всего общение с внешним миром. Если его нет, он начинает деградировать. Независимо от того, что ухожен и накормлен.

Андрей убежден: многие люди с ментальными и физическими нарушениями при адекватной поддержке могли бы жить самостоятельно, вне казенных стен, — что и пытается доказать необычным способом, создав вместе с ними нечто вроде коммуны. Причем сельскохозяйственной! Куда мы и направляемся в компании с младшими детьми Домбровского Федей (три с половиной года) и Тимошей (полтора года).

Пока за окном электрички мелькают пригородные пейзажи, вспоминаю, что с Домбровским познакомился шесть лет назад на борту прибывшей в Петербург британской яхты «Лорд Нельсон» со смешанным экипажем, наполовину состоявшим из людей с особенностями развития. Андрей — педагог по образованию, учитель географии — возглавлял тогда волонтерскую организацию «Подорожник» и привез на парусник подопечных, включая коля-

Андрей Домбровский не боится выйти за рамки привычного и превратить отношения общества к людям с инвалидностью. У ребят, с которыми мы работаем, тяжелые нарушения развития, тем не менее они занимаются в театральной и арт-студиях, участвуют в выставках. Домбровский пробует по-новому включать их адаптивные возможности, которые в интернатах не только не используются, но и угасают. Кроме прямой помощи своим подопечным, Андрей доказывает, что у них большой потенциал развития, который должен быть востребован.

Мария ОСТРОВСКАЯ,
президент благотворительной
общественной организации
«Перспективы», клинический психолог

Андрей Домбровский:

— Проект ориентирован на поиск пространств и смыслов жизни молодых людей с ограниченными возможностями. Я вижу, как детдом проецируется на их нынешнюю жизнь, как въелись в нее интернатские правила. До сих пор им всегда говорили «нельзя». Мы пытаемся это «нельзя» сообща преодолеть. В «Поместье Чибисы» можно многое из того, что для них было запретным: есть с помощью вилки и ножа, а не только ложки, работать молотком, топором, пилой и даже гвоздодером, любоваться рассветом и закатом... Можно жить, а не существовать.

Поверх барьеров

Знакомство с соседями.

Самыми трудными были первые шаги.

За выходные удалось произвести реконструкцию колодца. В результате там не только есть вода, но и Ваня может ее достать. Вчера он сам полил теплицу и набрал воды на утро, чтобы нагрелась. Эмиль занимался строительной реконструкцией: мы убрали-таки перегородку, которая создавала препятствие при въезде в наш кухонный вагончик.

Андрей Домбровский.
«ВКонтакте»

сочников. Те с завистью разглядывали умные приспособления, позволяющие таким же «особенным» бороздить моря и океаны.

Потом он из принципа, выиграв конкурс, занял руководящую должность в детском доме-интернате и на всю страну рассказывал в блоге, как «расчищает авгиевы конюшни». Удивительно, что строптивец продержался в должности два года! После чего стал директором благотворительного фонда «Место под солнцем» и составлял концепцию мультицентра для обучения и трудоустройства молодых людей с инвалидностью. Предполагалось, что они выйдут на открытый конкурентный рынок труда, разумеется, с экипировкой, компенсирующей недуги, и стартовым сопровождением. Романтично? Идеалистично? Может быть, но мультицентр в Ленинградской области недавно запущен по этим прописям.

Параллельно Андрей устроил в одном из помещений предприятия, партнера фонда, мастерские по изготовлению декоративных свечек — руками ребят из ПНИ. Производство несложное, парафин — мягкий, теплый материал, и продукция красивая. Правда, чтобы это тепло ощутить, шестерым колясочникам в сопровождении двух волонтеров приходилось из Старого Петергофа добираться на Васильевский остров. Сначала у них был микроавтобус, затем пересели на общественный транспорт. Тяжело, но и такое погружение в наш барьерный мир Домбровский находит полезным: «Едем на автобусе по Дворцовому мосту. Спрашиваю Сашу Макурина: “Ты здесь бывал?” — “Не-а”. Меня это поразило: в 24 года впервые оказаться в центре родного города! И когда тот же Саша, проявив самостоятельность, заблудился, перепутав электрички, для него это был личный опыт, а не трагедия: в конце концов каждый из нас хоть раз в жизни потерялся».

На предприятии затеяли перепланировку, свечной заводик угас, как и отношения Андрея с фондом. Но идея найти место, желательно поближе к Старому Петергофу, куда ребята могли бы приезжать поработать (и заработать!), его не оставляла. И — чудо! — хозяйка ресторана Мария Ревзина, помогав-

Поверх барьеров

шая еще «Подорожнику», сообщила, что в Новом Петергофе есть большой невозделанный участок, владелец которого не прочь предоставить его Андрею в бесплатную аренду.

...Из интерната до участка ребята добираются на местном автобусе, затем пешком по разбитой самосвалами дороге. В автобус им попасть непросто. Водители иногда отказываются опускать трап, ругаются, не хотят ждать, пока волонтер загружает коляску с инвалидом. Но все-таки это быстрее и ближе, чем на Васильевский.

Прошлой осенью Андрей поехал на смотрины участка с энтузиастом вольного проживания 22-летним Ваней Шариповым из ПНИ в Старом Петергофе. Взяли с собой арбуз и дыню по такому случаю. Увидели эти четыре гектара, заросшие пижмой, призадумались. И тут для Домбровского наступил еще один момент ис-

тины: «Стоим на берегу канала, вдали алеет рябина. Спрашиваю: “Вань, что там за дерево?” Он думал-думал: “Клубника, наверное”». Возможно, тогда Андрей почувствовал себя Робинзоном Крузо, нашедшим своего Пятницу?

С весны начали обживать в чистом поле. Строительная компания передала им два видавших виды вагончика. В одном устроили спальню, в другом кухню. Вход в нее оборудовали пандусом. Питьевую воду берут из родника и хранят в канистрах, ту, что для умывальника и полива растений, — из колодца заливают в бочку. Еще одна фирма, откликнувшись на запрос Андрея об инвентаре для реабилитации людей с инвалидностью, подарила солнечную панель — водрузили ее на крышу как символ научно-технического прогресса. Каждая покупка детально обсуждалась

Ваня Шарипов и Коля Погодин.
Будни «Поместья Чибисы».

В теплице пришлось расширить дорожку под размер коляски, чтобы ездить не только взад-вперед, но и разворачиваться. Даже собрать помидоры было непросто, не то что вырастить. (Съемки сбора урожая вел Первый канал — вот она, слава!) Домбровский — горожанин, никогда огородником не был, что уж говорить о ребятах. «Похоже, в их понимании посадить — это закопать поглубже, — смеется Андрей. — Посадили мяту, она так и не взошла. Ванины огурцы взошли, но зацвели только в середине августа, — все равно он гордится».

Эмиль Назарли с первым урожаем.

Борщ, который сварили сами, особенно вкусен.

В понедельник наконец-то купил бензопилу. В среду Ваня ее опробовал. Притом что идея бензопилы не очень вяжется в воображении с человеком в инвалидной коляске, проба прошла успешно. У Вани сильные руки, крепкая спина и нормальная координация движений. Поскольку я сам начал осваивать бензопиливание накануне, то в полной мере мог разделить Ванин восторг: за три минуты дров получается столько же, сколько с ножовкой за полдня.

Андрей Домбровский.
«ВКонтакте»

и становилась праздником: пленка для теплицы, шеф-кастрюля, бензопила... Заминка вышла с названием их поселения, пока на близлежащем лугу не обнаружили колонию чибисов. Вернее, это птички заявили о себе криками и брачными пируэтами над полем. Так появилось «Поместье Чибисы».

— Чувствуете, какой свежий воздух! А по утрам петухи кукарекают! Я за три месяца уже привык, — встретил нас тот самый Ваня Шарипов. Он уже завершил утренний объезд владений и на правах завсегдатая провел небольшую экскурсию, начав, как положено, от печки. В День России 12 июня Ваня впервые заночевал на участке и понял, что надо топить подаренную соседом чугунную печку, потому что наутро матрас был мокрым от росы.

— Для этого следовало поджечь дрова, и это отдельная эпопея, — пояснил Андрей. — Прошлой весной я, поддавшись на уговоры ребят, отправился с ними в турпоход с палатками.

Выбрались на берег Финского залива. Говорю им: вот дрова, спички — разжигайте костер. А они спичек в глаза не видели ни в детдоме, ни в интернате.

— Спички отсыреть могут. И зажигалка с колесиком не годится. Мы стали использовать пьезозажигалки как более безопасные, — воскликнул Ваня.

Подтянулись другие ребята — Саша Макурин, Эмиль Назарли, Коля Погодин, которого сопровождал давний друг Бен — волонтер из Германии. Коля стал раскладывать привезенные припасы еды, Саша двинулся в теплицу, Эмиль за водой — у каждого свои задачи. Малыши Домбровские тут же, на подхвате, в полном соответствии с педагогической доктриной Андрея.

— Андрей Владимирович правильно сделал, что привез их не в детский сад, а к нам. В садике ребенку не дадут молоток и гвозди, а мне Федя помогал прибивать полки для стеллажа, — рассудительно заметил Ваня.

Поверх барьеров

То, что Ваня захочет жить на участке, для Андрея было неожиданностью. Он планировал вылазки, как на свечной заводик, и приобщение к труду. В «Чибисах» ребята действительно многому научились. Например, Николай впервые в жизни пилил дрова — изловчился, сидя в коляске, радуясь процессу и результату. Но оказалось, что участок для них — самостоятельная ценность, возможность пожить на природе, пообщаться с друзьями, сменить обстановку. И отдохнуть — от интерната, где остаться самим собой в окружении 1300 человек, разного возраста и с разными недугами, вообще нереально!

— Мы с Ваней как-то барбекю устроили, и я ему сказал: «Запомни этот день. Сидим вдвоем у костра, едим вкусное мясо, наблюдаем, как наездницы гарцуют на манеже, как самолеты заходят на посадку... Где еще такое возможно, в каком ресторане?» — Андрей и сам тот день запомнил.

Напрасно он мечтал о кустах черной смородины, вдоль которых ездят колясочники, собирая урожай. Иллюзию развеяли пасущиеся в поле козы и овцы, которые в момент обгладывали любые посадки, даже можжевельник. Огораживать участок не хотелось, да и дорого, ограничились теплицей. Андрей подумывает обзавестись по соседству огородом под картошку и морковку, а потом и яблони посадить. В первое лето хотел открыть столярную мастерскую и даже овечью шерсть чесать, но бытовые заботы помешали заняться свободным творчеством.

— Мы что ни делаем, все мастерская! — возразил Ваня. — Соорудили козлы, они же стол для приема гостей. Сейчас пристройкой занимаемся для хранения материалов, чтобы столярничать под крышей.

Участок открыт для всех желающих, но нынешние обитатели никого сюда специально не привлекают. Для расширения численного состава нужны еще вагончики, вода, электричество, питание. А главное — Андрей боится превратить эти четыре гектара свободы даже в подобие «казенки». Поэтому отказался от спонсорского

предложения Марии построить в «Чибисах» большой дом. Казалось бы, вновь идеализм: как ни крути, без ПНИ не обойтись, всех его жильцов в поле не вывезешь. Но он считает свой социальный эксперимент пробой реформирования интернатной системы, по опыту Германии и скандинавских стран:

— Пусть кто-то по своей воле останется в интернате, кто-то — рядом с ним, в сети домиков, построенных в парковой зоне, где такие ребята, как Ваня, Коля и Саша, могли бы жить самостоятельно, под ненавязчивой опекой одного взрослого, кто-то переедет в город, в квартиры с поддерживаемым проживанием.

— А «Чибисам» в этой схеме найдется место?

— «Чибисы» — это отдушина. Школа, которую надо окончить и с благодарностью покинуть.

— Это *школа самостоятельного обживания*, — тут же сформулировал Ваня. Ему легче, нежели другим ребятам: медкомиссия признала его дееспособным. Он твердо настроен, вопреки бюрократическим препонам, встать в очередь на получение квартиры и жить самостоятельно.

— Ты в эту школу можешь вернуться учителем!

— Да, когда многому научусь, замену Андрея Владимировича.

Иногда хочется выбраться в город...

Симон Оганесян:
Будете там зимовать?

Андрей Домбровский:
Так зима же настанет.
Остается только зимовать)))

Из переписки «ВКонтакте»

Упс!..

И зрители смеются

ЛАРИСА АФАНАСЬЕВА РАЗВИВАЕТ УНИКАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ ЦИРКА ДЛЯ УЛИЧНЫХ СОРВАНЦОВ

Алла РЕПИНА. Фото: Максим Неизвестных, Александр Слободской, архив Упсала-Цирка

Спектакль о путешествии по временам года и городам и встречах с обыкновенными чудесами.

15 лет назад российский театральный режиссер Лариса Афанасьева и социальный педагог из Германии Астрид Шорн запустили в Петербурге проект уличного цирка. За это время Упсала-Цирк повлиял на судьбы сотен подростков и вырос до размеров Упсала-Парка, раскинувшегося вокруг одного из полюстровских прудов, в окрестностях дачи Кушелева-Безбородко на берегу Невы.

Почему цирк? Не знаю, может быть, потому, что цирк похож на детей. Мы нашли друг друга; видимо, цирк нуждался во мне, а я — в цирке. Было желание доказать, что изначально мир не делится на героев и плохишей, красивцев и уродов. Биографии наших детей разные, они тусовались у станций метро, прошли путь от чердаков, вокзалов, коммуналок, социальных приютов, сомнительных компаний, увлечений

игровыми автоматами, прежде чем оказаться на манеже. Кто-то собирал бутылки, кто-то попрошайничал, кто-то выбивал копейки из слабеньких — каждый выживал как мог. И в этот мир я не могла ворваться, я входила в него аккуратно, выдергивала их оттуда, сопливых, с расстегнутыми ботинками, с папиросами в зубах. Этим пацанам уже дали понять, что им не повезло в жизни: нет образования, талантов, заботливых родителей — короче, не вписались. Но я вижу, что у них свой опыт и взгляд на мир, им есть что сказать, но они не умеют. Допустим, это мои фантазии, но чувствую динамику их перерождения, мне в этих сложностях интересно.

— Эту историю придумала именно Астрид Шорн, — уточняет Лариса. — Сейчас она в Берлине, пишет диссертацию

Большинство думает, что в цирке одни клоуны и скаморохи. Это стереотипы какие-то, их надо разрушать. Если я говорю, что занимаюсь в цирке, меня спрашивают: а что ты там делаешь? Жонглируешь или на моноцикле катаешься? Они не понимают, что в цирке есть много другого. Когда надо мной смеются, я выхожу, делаю арабское сальто — и все сразу затыкаются.

Лера, 15 лет

За шесть лет, что я занимаюсь в цирке, моя жизнь полностью изменилась. Я не гуляю с друзьями, не общаюсь с теми, с кем общался раньше. Цирк занимает много времени, приходится решать, что важнее. И вот я выбрал цирк.

Максим, 18 лет

Когда я не был в цирке, то общался только с теми, кто в школе. Там все такие крутые, каждый в своей банде, йоу-йоу, или, наоборот, стесняются — девочки, например. А здесь команда, которая нас объединяет.

Саша, 12 лет

Лариса Афанасьева:

— Внушаю ребятам, что мы вместе должны сделать что-то очень классное, только так! Но нет цели, чтобы они артистами стали. Есть цель воспитать их честными, смелыми и стойкими перед трудностями, чтобы эта цирковая модель прижилась в жизни.

Астрид Шорн и Лариса Афанасьева
на 15-лети Упсала-Цирка.

«Эффект пинг-понгового шарика» — этот спектакль-эксперимент Упсала-Цирка всего за несколько месяцев после рождения успел побывать в европейском турне и собрать полный зал на фестивале «Летающие дети». Это история о том, как ничем не примечательная вещь вроде шарика для пинг-понга внезапно может оказаться центром, вокруг которого вертится целый мир.

о социально-цирковой педагогике применительно к детям из групп риска. А мы уже три года как здесь, в парке. Пойдемте, покажу наш шатер — двенадцать лет жизни потребовалось, чтобы он появился!

Лариса ведет меня в закулисье, насыщенное машинерией, достойной современного цирка. Показывает сцену, полукругом спускающийся к ней амфитеатр, галерею, ведущую в просторный репетиционный зал и уютную гостиную. Неплохо для проекта, стартовый капитал которого подруги оценивали не больше чем в сто немецких марок!

— У нас был один моноцикл, три булавы и три мяча, — вспоминает Лариса. — Мы подходили к уличным детям, надевали им клоунские носы и приглашали поиграть в цирк. В Европе таких акций проводится много, а для Петербурга было абсолютным новшеством. В 2000 году мы основали социаль-

ный Упсала-Цирк — единственный в мире цирк для хулиганов. Шведский город Упсала тут ни при чем. В нашем названии сочетаются забавное междометие «упс!» (так говорят европейцы, когда спотыкаются или падают) и мелодичный слог «ла».

Столь же удачным получилось сочетание педагогических, творческих и организаторских талантов Астрид и Ларисы. Стипендиатка докторской программы Свободного университета Берлина пишет в своем реферате, что «методы цирковой педагогики восполняют пробелы в системе формального образования и особенно эффективны для социальной адаптации детей, испытывающих дефицит внимания, заботы и эмоционального участия». Лариса говорит о том же проще: «Мы решили выпустить на манеж хулиганов».

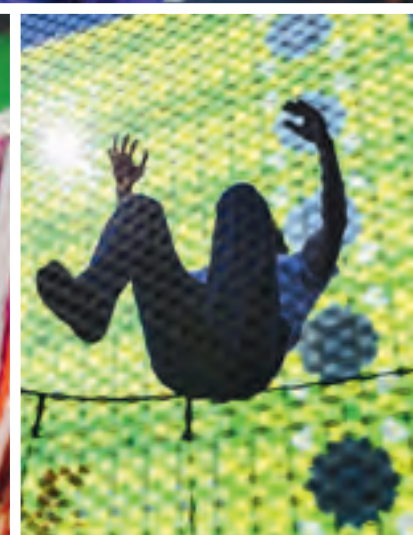
Для общества беспризорность — синоним неполноценности, а для нас формальный критерий, чтобы их взять, обогреть и поставить на ноги, используя не только арсенал циркового искусства. С ними занимаются психологи, социальные работники, музейщики. У нас даже на гастролях культурная программа: в Амстердаме — музей Ван Гога, в Бельгии вместо Макдональдса веду их на Брейгеля — это мой любимый художник. «Бигмак» я им и в России куплю... При этом важно не сюсюкать, не баловать, общаться на равных, в расчете на встречное доверие и ответственность. Когда к нам приходит благополучный ребенок, мы говорим: если б ты, не дай бог, воровал, дышал клеем или на двойки учился, тогда б мы тебя приняли, а так — извини. Может, тебя в классе обижают? Тоже нет? Тогда советуем пойти в нормальный кружок и желаем успеха.

Набор артистов в цирк стал системнее: в начале осени, через коррекционные школы, кризисные центры, с помощью социальных служб города. Даже с учетом неизбежного отсела в течение года занимаются около шестидесяти детей в трех возрастных группах, с ними работают 18 взрослых, причем

Поверх барьеров

На ярмарке «Душевный Bazar» в Упсала-Парке.

Это уникальное место на набережной Невы, соединившее лучшие качества городской среды и природного ландшафта, дизайнерские находки и простые комфортные решения для семейного отдыха. Главный принцип Упсала-Парка — свобода возможностей. Игры и любительские спектакли, заезжие музыканты и артисты, пикники и прогулки, ярмарки и балаганы, свобода от городской чопорности и унылого этикета — наверное, поэтому в нем по-настоящему отдыхаешь.

Летний лагерь Упсала-Цирка
на Валдае. 2008 г.

Лариса Афанасьева на фестивале
«Летающие дети». 2015 г.

Как поддержать Упсала-Цирк:
<http://upsalacircus.ru/sponsor.html>

четверо тренеров начинали когда-то артистами цирка. Каждому подопечному стараются подобрать амплуа. Постановки Упсала-Цирка синтетические: акробатика, жонглирование, фокусы, клоунада, пантомима, батут, паркур, брейк-данс, есть элементы драматического театра... Понятно, что 12 спектаклей за 15 лет на голом энтузиазме было бы не создать.

— Наш проект благотворительный лишь для юных артистов, — говорит Лариса Афанасьева, которая с 2008 года стала директором автономной некоммерческой организации социально-культурных услуг «Упсала-Цирк», — а зрителям продаем билеты. Бюджет цирка составляет 11 миллионов рублей, почти треть зарабатываем благодаря репертуарным спектаклям, гастролям, проведению мастер-классов для компаний, продаже сувенирной продукции. Остальные средства спонсорские.

На первых порах жили на европейские гранты и пожертвования частных лиц, в чем опять-таки заслуга Астрид Шорн,

Поверх барьеров

и Лариса сильно переживала: где же отечественные меценаты? Затем уже ей удалось подтянуть и российских благотворителей. Нынешняя экспансия Упсала-Цирка — во многом их достижение. В 2011 году при поддержке предпринимателя Игоря Водопьянова на Свердловской набережной начали возводить первый в России детский стационарный шатер, а до того цирк был в прямом смысле бродячим: размещался в арендуемых помещениях, выступал в мрачноватых ДК советского образца. За первые восемь лет сменили десять помещений, и Лариса шутила: «Не мешают — уже хорошо». А потом какой-нибудь бдительный товарищ вмешивался: «Цирк с беспризорными? Непорядок, съезжайте».

...От набережной территория отделена оградой с 29 львами. Скульптуры львов выставлены и при входе в шатер Упсала-Цирка. Его органично дополняет Упсала-Парк: пространство для семейного отдыха, развлечений, концертов,

Поверх барьеров

мастер-классов по цирковому искусству и другим видам творчества. В павильоне бывшей дачной купальни открылось цирковое кафе Circus, где можно позавтракать и пообедать, отведать ароматного кофе с авторской выпечкой.

В этом году на средства субсидии Комитета по культуре Санкт-Петербурга в Упсала-Парке прошел международный цирковой фестиваль «Летающие дети», восьмой по счету. В августе состоялась благотворительная ярмарка «Душевный Bazar», собравшая более 40 социальных проектов и некоммерческих организаций.

Заметим, для посетителей парк работает только летом, а вот спектакли цирка идут круглый год. «Ужасно грустно, — говорит Лариса, — было бы смотреть на пустой запорошенный снегом шатер с кружащимися воронами. В цирке и зимой должны смеяться зрители, гореть разноцветные лампочки и пахнуть попкорном, как в кино».

На этот зимний сезон команда Упсала-Цирка подготовила несколько фандрайзинговых проектов. Это «Береги нос смолodu!» — ближе к зиме посетителям ресторанов будут предлагать аксессуар от Упсала-Цирка — вязаная шапочка с помпончиком, которую можно надеть на нос, в комплекте с напитком «Носогрейка». Лицами акции стали легендарный клоун Слава Полунин и звездная актриса Ксения Раппопорт — они сфотографировались в носогрейках. В рамках проекта «Цирковой дневник» состоятся красочные встречи с деятелями искусства, посвященные взаимосвязи цирка с миром кино, литературы, музыки, живописи, архитектуры. Программа «Тимбилдинг для бизнеса» предлагает компаниям необычный способ укрепления корпоративного духа: их сотрудники могут попробовать себя в различных цирковых дисциплинах. Посоревновавшись в настоящем цирковом шатре, отдохнув в Упсала-Парке и устроив чаепитие в кафе, они тем самым помогут детям из групп риска оставаться на манеже.

Так начинание, стартовавшее с одного моноцикла, трех булав и трех мячей, выросло в крупный социально-культурный проект. И продолжает расти. В этом году на базе Упсала-Цирка открылась школа цирковой педагогики, где специалистам детских коррекционных заведений демонстрировались воспитательные возможности циркового искусства. В другом, выездном проекте «Цирк за забором» участвуют 20 подростков из коррекционной школы № 1, уже совершивших правонарушения.

— Наши диджеи, хореографы, художники-постановщики учат ребят работать вместе, помогают им по-новому взглянуть на свои способности и в конечном счете добиться успеха, который послужит импульсом к дальнейшему развитию личности, — рассказывает Лариса. — Премьера спектакля, который мы с ними готовим, состоится в той самой спецшколе. Мы не можем полностью изменить их жизненный сценарий, но верим, что участие в проекте позволит им в нужный момент сделать правильный выбор.

А еще ей хочется, чтобы с появлением шатра в Упсала-Парк хотя бы на неделю приезжали ребята из детских домов. С ними можно отрепетировать и поставить небольшой спектакль. И эта неделя станет для них маленьким колокольчиком из другой жизни, который в серых буднях позванивает и напоминает о хорошем.

У меня хватает планов по обустройству циркового городка, чтобы на пенсии не грустно было вспоминать, что вот хотела, да не получилось. Я точно знаю, что предстоит найти себе замену, подготовить молодого руководителя и потом спокойно собрать рюкзачок и уехать куда-нибудь в Индию, открыть там кафе, курить сигару и приглашать людей вкусно покушать. Примерно так: шезлонг, кафе, океан или море теплое, по пляжу детишки бегают, а когда набегаются, я им рассказываю про Упсала-Цирк.

Ксения Раппопорт — лицо акции «Береги нос смолodu!».

Монологи Ларисы Афанасьевой — на основе материалов к фильму Александра СЛОБОДСКОГО «Давайте вместе!».

Лучшие книги в лучшем порядке

КОНСТАНТИН ШАВЛОВСКИЙ СОЗДАЛ САМЫЙ ЗНАМЕНИТЫЙ МАГАЗИН-КЛУБ В ПЕТЕРБУРГЕ

Валерий ШУБИНСКИЙ. Фото: Мария Разумовская

В последние годы книжный магазин «Порядок слов» стал значимой точкой на культурной карте города. И не только потому, что здесь всегда можно найти самые разные книги «интеллектуальных» издательств — от серьезных трудов по истории и культурологии до поэтических сборников. Почти ежедневно в небольшом зале, примыкающем к магазину, проходят лекции, кинопоказы, поэтические вечера.

Эта постоянная смена событий возле книжных полок явно по душе директору магазина Константину Шавловскому. Он сам ее инициирует.

Для Шавловского, достаточно молодого (32 года), но уже весьма известного в городе человека, магазин — далеко не единственная сфера приложения сил. Он поэт, режиссер, кинокритик, редакционный директор журнала «Сеанс», куратор благо-

творительного проекта помощи больным аутизмом «Антон тут рядом». Что же сделало его еще и «книгопродавцем» (используя пушкинское выражение)? И как возник в его жизни магазин на набережной Фонтанки?

В свое время этот магазин не раз менял названия и специализацию. «Летний сад», «Русское богатство»... Потом фасад дома украшала громкая вывеска — «Александрийская библиотека». Шутили, что назвать так книжную лавку — изрядная смелость, ведь судьба величайшего книгохранилища древности была печальна.

— Летом 2009 года я ненадолго уходил из «Сеанса», — вспоминает Константин. — И главный редактор издательства «Амфора» Вадим Назаров вдруг предложил мне: а не хочешь сделать в Петербурге что-то вроде «Фаланстера» (магазин интеллектуаль-

Культурный слой

ной книги в Москве. — *В. Ш.*)? А то, сказал он, мои друзья магазин держат, а с какого боку за него взяться, не знают.

«Александрийская библиотека» принадлежала Русской христианской гуманитарной академии, расположенной в этом же здании. Выручка едва ли превышала 3–4 тысячи рублей в день.

И вот 15 января 2010 года магазин открылся снова, уже надолго. Финансово он самостоятелен, но сохраняет формально-организационную связь с РХГА.

— Мы благодарны академии, которая позволила нам так вернуться под своим крылом, хотя, наверное, не все продающиеся у нас книги, не все наши мероприятия ей идеологически близки, — отмечает Шавловский.

Почему он не побоялся вступить на новое для себя поприще? Есть интравертные люди искусства, всецело погруженные в собственное творчество, в мир, рожденный их воображением. А есть люди, которым интересно организовывать, преобразовывать внешнюю реальность, просто интересно, без всякой личной выгоды и корысти. Константин — из числа последних. Его телефон все время звонит, он назначает встречи, обсуждает проекты. Речь — о кинофестивалях, выступлениях, деталях книготоргового процесса. И видно, что ему в охотку заниматься всем этим, решать внезапно возникающие вопросы. Плюс, конечно, внутренняя пластичность, способность учиться на ходу, и учиться успешно.

К тому же, берясь за магазин, Шавловский надеялся на помощь своих друзей-компаньонов. И не без оснований. Анна Изакер, связанная со множеством издательств, стала директором по ассортименту. Евгений Крючков обеспечивает логистику и договорные отношения. А сам Константин сосредоточился на культурных программах.

— Очень помогла мне работа в «Сеансе». Я мог пригласить провести в «Порядке слов» мастер-классы крупнейших современных режиссеров: Александра Сокурова, Алексея Балабанова, Алексея Попогребского, Бориса Хлебникова... Наш магазин стал

В магазине «Порядок слов» рады продвинутой молодежи, но так же привечают и пенсионеров.

Константин Шавловский:

— Такие магазины, как наш, выполняют функцию «рекомендательного сервиса». Люди приходят, чтобы узнать, какие книги вышли в той или иной области, что им стоит приобрести или прочитать. В больших сетевых магазинах искать книги бесполезно — не говоря уже о том, что многих книг нашего ассортимента там нет.

одной из площадок фестиваля «Послание к человеку». Я уж не говорю о киноавангарде, о молодой режиссуре. Кстати, такая направленность нашей культурной программы влияет и на ассортимент: у нас много книг, посвященных кинематографу и театру.

Впрочем, отдел текущей поэзии и некоммерческой прозы тоже впечатляет. Само название магазина восходит к известной формуле: «Поэзия — это лучшие слова в лучшем порядке». И в культурной афише «Порядка слов» поэзия занимает важное место. Цикл парных поэтических вечеров «Межгород», премия имени Аркадия Драгомощенко, к учреждению которой «Порядок слов» причастен, наконец, учрежденная недавно издательская серия «Новые стихи»... Да, «книгопродавцы» силою вещей превращаются и в издателей.

Шавловский и его товарищи решили, в идеалистическом порыве, сделать все культурные мероприятия бесплатными. В любом случае публичная программа магазина не источник прибыли. Это — расходы, и немалые. Для улучшения коммерции стараются расширять ассортимент, повышать оборот, открывать новые точки. На Новой сцене Александринского театра, а теперь и в Москве... Такая стратегия приносит плоды: в отличие от многих прежних некоммерческих книжных магазинов, которые через год-два закрывались, погрязнув в долгах, «Порядок слов» постепенно стал окупаться и сейчас твердо стоит на ногах.

Но главное — магазин-клуб действительно стал нужен горожанам.

Культурный слой

— Года через два после открытия, — рассказывает Шавловский, — у нас сломался проектор. Решили устроить краудфандинг, в расчете на добровольные пожертвования посетителей. 70 тысяч рублей собрали за считанные дни! Один человек принес разом 40 тысяч. Для нас это было очень важно, в моральном плане....

Тот типаж магазина-клуба, который задал Шавловский со товарищи, начал распространяться в Петербурге. Если пять лет назад некоммерческие книжные магазины города переживали очевидный кризис, то за последнее время возникло сразу несколько новых: «Все свободны», «Фаренгейт 451», «Свои книги». Шавловский считает, что они друг другу не соперники, наоборот, делают общее дело, обогащая культурную среду. Ни кризис экономиче-

ский, ни кризис бумажной книги, о котором все говорят, не лишат их будущего.

— Такие магазины, как наш, выполняют функцию «рекомендательного сервиса». Люди приходят, чтобы узнать, какие книги вышли в той или иной области, что им стоит приобрести или прочитать. В больших сетевых магазинах искать книги бесполезно — не говоря уже о том, что многих книг нашего ассортимента там нет. Интернет в их поиске вряд ли поможет.

Еще одна особенность «Порядка слов» тоже изначально связана с кинематографом. Шавловский участвует в организации и работе множества кинофестивалей в городах России. И вот однажды организаторы фестиваля в Вологде предложили ему привезти стенд с книгами.

В «Порядке слов» всегда есть выбор новых и нужных книг. И возможность созерцать себе подобных. То есть пришедших купить книги, посмотреть на книги, поговорить о книгах. Появляясь в «Порядке слов» с разумной регулярностью, можно быть уверенным, что ничего главного в гуманитарных науках не пропустишь.

Валерий ДЫМШИЦ,
профессор Санкт-Петербургского
государственного университета,
преподаватель Европейского университета
в Санкт-Петербурге

А братьям меньшим
есть что почитать?

*Не так много в нашем городе магазинов,
в которых продаются умные книжки
для интеллигентов, для тех, кому
интересно почитать серьезную книгу
французского философа об апостоле
Павле, а не унылую популяризаторскую
жвачку. «Порядок слов» — еще и один
из известных в Петербурге
интеллектуальных центров.*

Никита ЕЛИСЕЕВ,
писатель

— Доставка книг по России стоит дорого, — объясняет директор магазина, — дорого для издателей и книжных торговцев. Поэтому в российские регионы книги небольших издательств не доходят. Но, в сравнении с масштабом кинофестивальных расходов, это не такие уж большие деньги.

Так раритеты «Порядка слов» поехали по географии кинофестивалей — в Иваново, в Калининград... Уже не первый год проходит фестиваль «Край света» в Южно-Сахалинске. Для жителей прекрасного, но затерянного на дальних рубежах России острова это — настоящее окно в мир. И туда привозят книги из петербургского магазина. В первый год их было куплено на 126 тысяч рублей. Во второй — который еще не закончился! — на 270 тысяч. Значит, всего за несколько фе-

стивальных дней жители города с 200-тысячным населением купили тысячу, а то и больше книг...

— Опытнейший наш продавец Ольга Андреева, пришедшая из «Летнего сада», — настоящий энтузиаст, влюбленный в книгу, — рассказывает Константин о своих сотрудниках. — Наталья Викторовна Палладина — ее я помню с детства, с 1990-х годов — работала в знаменитом салоне видеопроката «Люмьер».

— Это люди зрелых лет, символизирующие культурную преемственность. А ваши сверстники?

— Как без них! Символично, что у нас вместе работают люди разного возраста, в том числе весьма юные, с разным бэкграундом. Потому что и покупатели наши — люди разных поколений и культур. Мы рады, что магазин привлекает про-

двинутую молодежь. Но, бывало, случайно приходят жильцы соседних домов — и становятся завсегдатаями. Когда я вижу у стеллажей какого-нибудь юного хипстера, беседующего о книгах с интеллигентной пенсионеркой, то понимаю, что ради этого диалога мы и работаем...

Культурное поле, объединяющее горожан, — может быть, главный результат деятельности магазинов-клубов. Сегодня многочисленные субкультуры, языки общения, эстетические вкусы и пристрастия все больше разделяют людей, а переход коммуникаций в виртуальную сферу лишь способствует взаимному отчуждению. Возвращают нам это поле живого общения энтузиасты вроде Шавловского, готовые тратить силы и время на то, чтобы расставить лучшие книги в лучшем порядке.

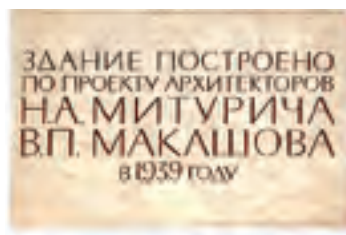
Константин Шавловский:
— Долгое время директором по развитию «Порядка слов» была моя жена Елена Костылева, поэт и журналист. Мы благодаря «Порядку слов» и познакомились. В 2010 году она написала текст о магазине для журнала «Большой город». Потом я предложил ей выпить по чашечке кофе...

Фото слева:
Лекция культуролога Дмитрия Дубровского «Академия между государством и свободой».

25 лет без права предышки

СЕРГЕЙ ШУБ ПОСТРОИЛ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕАТР-ФЕСТИВАЛЬ

Аркадий СОСНОВ. Фото: пресс-служба театра-фестиваля «Балтийский дом»

Доска в фойе — часть живой истории театра.

Интересно, о чем размышлял генеральный директор театра-фестиваля «Балтийский дом» Сергей Шуб вечером 30 мая 2014 года, этак в 19.14, глядя из ложи «С» на переполненный зал — питерский бомонд вперемешку с рядовым зрителем, студенты вдоль стен и на ступеньках? Что пора начинать, а публика еще не расселась? Или более возвышенно, мол, наступает момент, ради которого он долго и упорно выстраивал новую модель театра, чей репертуар дополняют фестивали международного класса?

Эту премьеру ждали не только в Петербурге. Но в Петербурге — особенно. И вот режиссер с мировым именем Люк Персеваль ставит свой первый в России спектакль — мистически-загадочного, мрачного «Макбета». Это его третья постановка шекспировской трагедии, в которой он постиг новые глубины отношений Мужчины и Женщины на фоне Власти, и воплотить

ее решил почему-то здесь, на огромной сцене театра в парке за Невой...

Конечно, то был не случайный выбор. На фестиваль «Балтийский дом» — спасибо его арт-директору Марине Беляевой — Персеваль начали приглашать еще до того, как он стал знаменитым и переехал из Бельгии в Германию. Действительно судьбоносный момент наступил за шесть лет до премьеры, когда мэтра спросили, не хочет ли он поставить спектакль в этом театре, а он, открыв ноутбук, ответил, что, пожалуй, в его графике есть окно весной 2014-го. И когда шесть лет спустя в Петербурге был проведен открытый кастинг, состоявший из проб, мастер-классов и занятий йогой, Персеваль сказал, что нашел чету Макбетов и прочих персонажей, включая ведьм, в этой труппе. По «Балтийскому дому» гуляла шутка: европейский ЕГЭ сдали.

Петербург еще в XVIII–XIX веках называли, перефразируя Альгаротти, окном в театральную Европу. Тогда крупнейшие европейские театральные коллективы представляли свои спектакли на петербургской сцене. Здесь были и свои немецкая, французская, итальянская труппы. В советское время эти традиции утратились, мы лишь от случая к случаю знакомились с мировой театральной жизнью. «Балтийский дом» эту ситуацию кардинально изменил, распахнув окно в театральную Европу для новой России. В этом, без преувеличения, культурно-историческая миссия фестиваля.

Александр ЧЕПУРОВ,
ректор Санкт-Петербургской
государственной академии
театрального искусства

Фестиваль «Балтийский дом» не источник прибыли для театра, цены на билеты лояльные, даже на звездные постановки — 300–500 рублей. Фестиваль живет во многом благодаря финансированию Минкультуры РФ, наполняющему его бюджет.

Сергей Шуб:
— Убежден: сколько театров, столько и моделей. Наша уникальная модель — театр и фестиваль под одной крышей, оба эффективно работают в течение двадцати лет, важно этот баланс и взаимное влияние сохранить. И не менее важно соблюсти баланс между спектаклями для разных категорий зрителя.

Репетируем «Макбета».

«Макбет» в постановке Люка Персеваля — фестивальный проект, ставший репертурным спектаклем. По замыслу режиссера, пустая сцена, рассеченная снопами света и колючей проволокой, — это бездна, разверзшаяся в душе героя.

Фото справа:
Роману Громадскому
есть что вспомнить.

Вскоре после премьерных оваций я полюбопытствовал у Сергея Шуба, о чем он все-таки думал в тот миг в ложе «С», и был озадачен прозой его рассуждений.

— Я тебе честно скажу, — привычно запустил он движок своего обаяния. И честно сказал, что Шекспир в интерпретации Персеваля не водевил типа «Коктейля для двух старомодных чудаков» и не шлягер «Возвращение в любовь» по Паулсу — Евтушенко. Конечно, «Макбет» в постановке режиссера из первой мировой десятки — веха на пути, который выбрал театр-фестиваль, но... Премьера на переходе театрального в дачно-огородный сезон не гарантирует аншлаг на первых десяти спектаклях, который служит мерилем качества работы администрации и финансового успеха театра.

Нет, я подозревал в этом искушенном театроведе прагматика-управленца, но чтобы настолько... А он в тему добавил:

— Знаешь, мой товарищ Володя Тыкке, главный режиссер нашего театра, однажды поведал мне свой страшный сон: семь вечера, третий звонок, артистов нет. Я рассказал ему свой страшный сон: 15-е число, зарплату платить нечем.

Есть две точки зрения на международный театр-фестиваль «Балтийский дом». Первая — это способ выживания, придуманный для не самого везучего в прошлом Театра имени Ленинского комсомола. Вторая — это духовный путь. Интересно, какая из них ближе Сергею? Полагаю, он за баланс. Его друг, бывший министр культуры Эстонии Яак Аллик, приехав на первый фестиваль, провел пальцем с изнанки по фотографиям артистов в фойе и сказал: «Пока не избавишься от пыли, хороший фестиваль не сделаешь». Сергей еще не был директором театра-фестиваля, но урок запомнил. Сегодня театр блещит, что, с учетом его габаритов, требует больших трудозатрат.

Это здание строилось в годы первых пятилеток для советских праздников и народных эпопей, по лекалам сталинской архитектуры: монументальный фасад с колоннами, зал на 1600

Проект реализован на средства гранта Санкт-Петербурга

мест и сцена размером с пол Дворцовой площади. Где-то в конце 1960-х актеры Роман Громадский, Эммануил Виторган и Петр Горин в постановке фадеевского «Разгрома» въезжали на нее на лошадях. На генеральном прогоне лошади, напуганные шквалом аплодисментов присланных в зал ударников с «Электросилы», рванулись на авансцену, проломив копытами помост, закрывавший оркестровую яму. Началась паника, торжество соцреализма сорвалось, премьеру отменили...

Занятно, что разные поколения руководителей театра боролись с его размерами, сокращая число кресел, убирая балкон, урезая зал и сцену, ради камерности пространства. А в наши дни Персеваль, Някрошюс, Туминас, Пуркарете используют сценический плацдарм на всю катушку!

Сергей, став директором, вывел свою формулу: этот театр нужно насыщать! Под его крышей вили творческие гнезда молодые театры Андрея Могучего, Виктора Крамера, Руслана Кудашова, Льва Эренбурга. Сейчас действуют Экспериментальная сцена Анатолия Праудина, детский клуб «Территория театра», где театр-фестиваль выращивает своего зрителя.

— Я не благотворитель, имею корыстный интерес, — заверил он. — Чем больше событий на сценах и в репетиционных залах, тем «Балтийскому дому» лучше дышится. Иногда мечтаю поруководить традиционным театром в центре города на 300–500 мест, но, наверное, это скоро наскучило бы.

Собственный актерский опыт Шуба ограничивается ролью Сальери, сыгранной в Архангельске в школьные годы. Мама хотела видеть сына врачом, даже подарила фонендоскоп, сын предпочел театроведческий факультет, работал в литературно-драматической редакции Ленинградского ТВ.

— Я тебе честно скажу: есть несколько спектаклей Эфроса, Товстоногова, Любимова, которые запали мне в душу, но фанатом театра себя не считаю, просто ничем другим заниматься не умею. А с телевидения сбежал в этот театр, завлитом к Геннадию Опоркову, потому что допекли запреты носить кожаные пиджаки и бороды, запреты показывать режиссера Товстоногова и социолога Ядова...

Эта напускная нелюбовь к театру, точнее, немного отстраненный, оценивающий взгляд на него, помогают Шубу прини-

В начале славных дел.
Слева направо: Владимир Тыкке,
Геннадий Опорков, Семен Спивак,
Сергей Шуб.

Фото слева:
91-я комната «Балтийского дома»,
ставшая с легкой руки Андрея
Могучего площадкой для театральных
экспериментов.

*Это беспрецедентный случай, когда
репертуарный театр выполняет
функции учредителя, создателя
и организатора международного
театрального фестиваля, который
стал одним из ведущих в России
и за ее пределами.*

Валерий ФОКИН,
художественный руководитель
Александринского театра

У истоков фестиваля
«Балтийский дом».
Сергей Шуб и Вячеслав Гвоздков.

Фото справа:
Людмила Улицкая после спектакля
«Детство 45-53: а завтра будет счастье»
в рамках фестиваля
«Балтийский дом»-2015.

Мое отношение к «Балтийскому дому» заключается в том, что я на него приехал, при всей занятости (выпускаю спектакль и сразу еду ставить в другую страну). Правильно сказано, что спектакли бывают культурные и бескультурные. Я жду от фестиваля больше и больше первых!

Роман ВИКТЮК, режиссер

мать жесткие решения, не боясь конфликтов, как было с переводом труппы на договорные отношения. Получилось не сразу — наш Сальери выждал, набрал критическую массу союзников, чтобы добиться цели. В результате приняли в труппу 15 молодых перспективных артистов. Среди них и Мария Шулга, которую Персеваль выбрал на роль леди Макбет.

Сотрудничество с Опорковым было недолгим, после смерти яркого режиссера пришел тусклый, театр покидали ведущие актеры. Не задержался и Шуб, он был востребован сначала в Театре на Литейном, затем в Театре имени Ленсовета у Игоря Владимировича.

Ко второму его пришествию в здание в Александровском парке в 1990-м причастен новый энергичный главреж Вячеслав Гвоздков. Вместе они возрождали труппу. При Гвоздкове «комсомольский» театр превратился в «Балтийский дом», он же для привлечения публики (которой на излете перестройки было не до Мельпомены) придумал ежегодный фестиваль — подобие канувшей в Лету «Прибалтийской театральной весны», но на базе одного театра. Шуб как заместитель главного режиссера по творческим вопросам включился в раскрутку проекта.

Один или на пару с Гвоздковым он колесил на своей машине с ручным управлением по ближнему, а то и дальнему зарубежью и, мобилизуя школьные познания английского языка, договаривался со знакомыми режиссерами. В первом минифестивале участвовали всего три коллектива — из Эстонии, Польши, Финляндии. Бюджета не было, гостей размещали на квартирах артистов театра. Зато на афишах появлялись неведомые широкой публике имена: Пекка Милонофф, Кай Чудениус, Эльмо Нюганен, чуть позже Эймунтас Някрошюс, Оскарас Коршуновас, Алвис Херманис, музыкой звучавшие для театральных гурманов.

По словам Сергея, он старался привить городу европейский тренд, показать, что есть театр не только «имени Константина

Сергеевича Станиславского». Хотя далеко не все спектакли европейских театров были ему эстетически близки.

Через несколько лет Гвоздков из «Балтийского дома» уволился, не поладив с городским начальством, не сомневаясь, что вслед за фестивалем погибнет и театр, гигант пятилеток, — в рыночные времена такие мастодонты вымирают первыми, но Сергей подхватил фестивальную лямку.

У него хватало противников внутри театра. Одним не нравились большие счета за телефонные разговоры с границей, другим — что на две недели прекращается прокат текущего репертуара, чтобы какие-то гастролеры играли свои спектакли. На худсоветы друзья Сергея, вернувшиеся в театр с его подачи Роман Громадский, Вадим Яковлев, призывали не распылять силы на фестиваль, не раскалывать, а строить театр. Тонкий и интеллигентный артист Игорь Тихоненко убеждал: «Сережа, тут мы должны репетировать, а не Някрошюс».

Проект реализован на средства гранта Санкт-Петербурга

Шуб поневоле ушел с должности в театре, но — недалеко, под лестницу, где размещался Балтийский международный фестивальный центр (к счастью, город помог его создать), и отрезанным ломтем себя не чувствовал. В комнате худрука фестиваля было шумно, сюда тянулись театральные люди, ощущавшие, что «гастролеры» привносят в их жизнь кислород и в этой творческой диффузии больше плюсов, чем минусов. А в театре дела шли хуже некуда. И в 1996 году Шуб совершенно логично возглавил его в качестве генерального директора. Две эти сущности — театр и фестиваль — естественным образом совпали под его началом.

Мало того, он подготовил положение о театре-фестивале «Балтийский дом», закрепив это гордое имя, структуру и штатное расписание, и добился его утверждения в городских инстанциях при поддержке тогдашнего вице-губернатора Владимира Яковлева («маленького Яковлева», как его называли, чтобы не путать с тезкой-однофамильцем губернатором, но тот был мал да удал и немало для городской культуры сделал).

Так возник уникальный холдинг на основе репертуарного театра, генерирующий культурные события разного формата и значимости. На сегодня это 25 фестивалей «Балтийский дом», 17 ежегодных фестивалей русскоязычных театров стран СНГ и Балтии «Встречи в России», 10 биеннале моноспектаклей «Монокль»...

А еще Дни российской культуры в странах Балтийского региона, городские праздники, в том числе Морской фестиваль, Международная театральная универсиада (послесловие к Олимпиаде в Сочи), ежегодная церемония награждения премией «Балтийская звезда»... При такой повестке думать об умирании театра некогда. У Сергея и на этот счет есть формула: «Работа — как езда на велосипеде: перестаешь крутить педали, он падает».

Самое поразительное, что удалось отладить административный механизм для управления этой машиной. Его звенья дополняют и страхуют друг друга, но одни заточены на проведение фестиваля, другие — на подготовку и выпуск спектаклей, а третьи

Фото слева направо:
Сергей Шуб и Зимунтас Някрошюс,
Донатас Банионис, Пиппо Дельбона,
Оскар Коршуновас.

Арт-директор фестиваля
«Балтийский дом» Марина Беляева.

Сергей Шуб и Римантас Туминас у именной скамейки Донатаса Баниониса в Александровском парке.

Вспоминаю атмосферу «Балтийского дома» начала 1990-х, трудную, холодную. Сосиски в буфете, обшарпанные стены. Начало было какое-то безнадежное. Казалось, что мы доживаем последние дни не только этого здания, но и театра вообще, — еще немного, и рухнет. Прощаемся с театральным искусством, становимся ненужными. Но вот прошла эпоха, и я рад тому, что ошибся. С каждым годом фестиваль все краше, интереснее, богаче. У него выработался вкус. Появилась эстетика в отборе спектаклей. Я с удовольствием ориентируюсь на этот фестиваль и, собираясь поставить новый спектакль, думаю, как его примут в «Балтийском доме». Подсознание уже работает. Я очень рад, что он не умер и мы его не предали.

Римантас ТУМИНАС,
художественный руководитель Театра
имени Евгения Вахтангова (Москва)

Фото справа:

Губернатор Георгий Полтавченко вручил специальную награду номинационного совета высшей театральной премии Санкт-Петербурга «Золотой софит» Сергею Шубу — «За расширение культурного пространства и укрепление международных театральных связей». Ноябрь 2015 г.

(издательский отдел, пиар-служба) обеспечивают и театр, и фестиваль. Кое-что подсмотрено у зарубежных коллег, есть и свои ноу-хау, например «пастухи» — молодые люди, которые работают с каждым коллективом, приезжающим на фестиваль. Из них получают отличные исполнительные директора и главные администраторы.

Приезжают не «сбитые летчики» — действующие режиссеры со свежими постановками, и обитатели «Балтийского дома» чувствуют себя в театральном мейнстриме. Общение с мастерами уровня Персеваля и их бригадами — школа не только для актеров, но и для цехов, служб, администрации театра, практикумы по работе со светом, звуком, текстом пьесы и текстами договоров, титрами, выводимыми на экран. Приходится держать планку; начиная с 7-го фестиваля «Балтий-

ский дом» в нем участвуют спектакли одноименного театра и из мейнстрима не выпадают.

У Сергея сильный административный ген (папа был начальником Дома офицеров в Архангельске и директором Ленконцерта). При этом он реальный творческий лидер, но другого плана, чем одна из легенд этого театра Геннадий Опорков. Как говорит Марина Беляева, племянница Опоркова, начавшая работать в этом театре с девятого класса осветителем, «Шуб никогда не заставляет что-то делать, но формулирует задачу так, что ты понимаешь: если не способен ее выполнить, то зря живешь на свете. Он использует энергию амбициозности творческих людей — никакая АЭС ее не выработает».

Самому Сергею ближе немецкий термин «интендант театра»: человек, ведающий его делами. Он может работать

Культурный слой

в связке с режиссером или формировать режиссерскую группу, как интендант Шуб, у которого Анджей Бубень ставит «Зеленый шатер» по Улицкой, Андрей Жолдак — «Москву — Петушки», актрисе Наталье Индейкиной доверена рискованная постановка мюзикла «Вестсайдская история» с живым оркестром и балетом, брутальный Макбет Леонид Алимов дебютирует как режиссер спектаклем «Сталин. Ночь», и каждый разговаривает со зрителем на своем языке.

Но покажите мне западный интендантский театр, который проводил бы столько международных театральных фестивалей! Сергей Шуб с этой ремаркой согласен, хотя уточняет — он лишь капитан команды, способной работать 24 часа в сутки (для фестивальных недель это не гипербола).

Вопреки мудрости о том, что нельзя войти в одну реку дважды, он приходил в этот театр трижды, чтобы избавить его от въевшейся в стены репутации аутсайдера. Вся штука в том, что он сам менял течение театральной жизни. Сегодня даже могучее здание, которое циники сравнивали с амбаром, смотрится по праздникам вроде «Шекспировской улицы» или устроенной Университетом ИТМО феерии Magic of Light как сказочный дворец. Вместе с оптиками и другими соседями — «Ленфильмом», Мюзик-холлом, Музеем истории Санкт-Петербурга (Петропавловская крепость) театр-фестиваль намерен создать в Александровском парке культурное пространство. И уже его формирует. На центральной аллее появились кресла, посвященные дорогим Сергею Шубу людям — Оporкову, Банионису, Гинкасу, Туминасу, Пилецкой, — чем не зрительный зал в парке?

Обращаясь к партнерам, гостям и друзьям на торжестве в честь 25-летия фестиваля в просторном фойе театра, где плескались поздравления, напутствия, куплеты, а между столами скакали солидные, в годах, «домовые Балтийского дома», Сергей честно сказал, что это были невероятно трудные годы, сделавшие его счастливым человеком. Он надышал свой театр-фестиваль.

Открытие очередного фестиваля.

Зрители уже воспринимают «Балтийский дом» как место, где постоянно что-то происходит, а есть театры, где не происходит ровным счетом ничего.

Свет мой, зеркальце, скажи!

СЕРГЕЙ СТАФЕЕВ ПРИДУМАЛ И ОТКРЫЛ ЛУЧШИЙ В МИРЕ МУЗЕЙ ОПТИКИ

Сергей ЛИДОВ. Фото: Ольга Каратаева, Мария Разумовская и Салима Сафарова

Стробоскопическая балалайка, позволяющая увидеть колебания струн.

Будущая карьера Сергея Стафеева определилась в младшем школьном возрасте, когда он с родителями плыл на теплоходе в Кижы и рано утром после дождя увидел в небе радугу, соединившую берега полноводной Свири. Мало того, радуга была двойной! Замерев на палубе, он любовался этой картиной, а потом долго ломал голову над тем, как в результате отражения и преломления света в капельках воды возможна такая фантастическая феерия.

Объяснение формы и чередования цветов радуги пытливым школьник нашел в книге Якова Перельмана, который не только популярные книжки о науке писал, но и создал в Ленинграде знаменитый ДЗН — Дом занимательной науки, располагавшийся в павильоне на Елагином острове, а затем в Шереметевском дворце. С полусотней кружков, предметными олимпиадами, кон-

курсами, астрономическими календарями, экспонатами, которые можно трогать руками, включая модель ракеты по рисунку Циолковского! Был в нем, кстати, и отдел физики с комнатой оптики и зеркалом при входе, отражавшим, благодаря смещенному фокусу, не изумленного посетителя, а некоего бравого усача.

Сергею захотелось самому исследовать свет — главное чудо Света, которое вокруг и внутри нас. Его жизненный путь был прямым, как луч лазера: Ленинградский институт точной механики и оптики, студенческое научное общество, аспирантура, диссертация по лазерному зондированию материалов. Прямым — не значит легким. После защиты кандидатской из вуза пришлось уйти: отработал шесть лет в электронной промышленности, о чем не жалеет. Заняться докторской диссертацией (все те же лазеры) его убедил новый ректор ЛИТМО Владимир

Инвестиции в интеллект

Сергей Стафеев:

— В наши дни у подростков множество соблазнов. Поэтому мы действуем как ответственные родители. Если хотим развить в своих детях способность креативно мыслить, то должны создать для них пространство интеллектуальных развлечений, сделать вход в мир науки и инноваций — через музей.

Васильев, которому требовались продвинутые педагогические кадры. Пятнадцать лет Стафеев заведовал кафедрой физики, был и остается деканом естественно-научного факультета, в соавторстве с коллегой Максимом Томилиным выпустил три тома научно-популярной энциклопедии «Пять тысячелетий оптики» — об изучении природы света и механизмов зрения в разные эпохи. Но тихих профессорских радостей ему показалось мало. Стафеев задумал создать музей для вовлечения молодежи в науку с помощью магии оптических иллюзий.

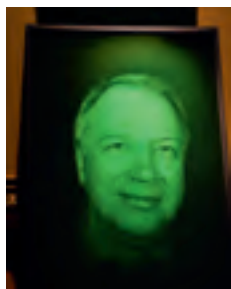
Проект ну очень амбициозный: собрать воедино главные достижения человечества в сфере оптики, не имея ни помещений, ни денег на экспонаты и витрины. Но тогда, в 2006-м, звезды сошлись: Университет ИТМО отремонтировал первый этаж бывшего Дома купцов Елисеевых, где прежде располагался Государственный оптический институт, — три просторных зала и подсобки предназначались для проведения выставок. Стафеев пришел к ректору: «Отдайте мне эти 400 квадратных метров под музей!» Тот неожиданно согласился. И финансирование поспело, с победой университетской программы подготовки магистров на конкурсе приоритетного национального проекта «Образование».

При чем тут музей, рассчитанный на подростков? На это у Стафеева был ответ: об инновационных магистрах нечего и мечтать без качественных бакалавров. А в бакалавриат ребята не пойдут, если им со школьной скамьи не привить интерес к оптике, в том числе и через эффекты, базирующиеся на фундаментальных законах физики.

Уникальный экспонат музея — напоминающая орган коллекция из 144 различных стеклоблоков, собранная академиком Гурием Петровским.

Голографический портрет Сергея Стафеева.

Сегодня экспозиция — от зеркальных конструкций, воссозданных по чертежам Леонардо да Винчи, до охранной лазерной паутины, современных голограмм, CD и фотокамер — стала частью учебного процесса, ориентирующей посетителя на целый куст новейших специальностей (оптотехника, оптоинформатика, фотоника). Наплыв публики почти как в Эрмитаже. Студенты университета начинают экскурсии с кабинета создателя цветной голографии академика Юрия Денисюка. Показывая его автопортрет внутри стеклянной пластины, гид-волонтер непременно отметит, что это выпускник их вуза. А Стафеев, случись он рядом, добавит: «самый выдающийся выпускник». И в воспитательных целях покажет факсимильную страничку из дневника ученого, в бытность его профессором ЛИТМО, где расписаны дела на один день. Иному нынешнему аспиранту хватило бы на год!

Наверное, закон отражения света распространяется и на судьбы людей, если вслед за легендарным Перельманом счастливая мысль о создании не только книжной, но и зримой, осязаемой занимательной науки посетила его давнего читателя. Стафеев доказал, что Музей оптики — это проект, а не прожект, что ученый и писатель способен материализовать свои идеи. Но лазерный луч вел его дальше.

Однажды в музей на Биржевой заглянул директор Греческого института голографии Алкивиадис Лембессис и под впечатлением от увиденного предложил Стафееву устроить совместную интерактивную выставку световых инсталляций и голографических изображений, в том числе цифровых. Два года выставка экспонировалась на Крите, в Ираклионе, в Музее естественной истории. Но место для ее проведения в Петербурге найти не удавалось. Тем временем Университет ИТМО заканчивал ре-

Инвестиции в интеллект

монт второго этажа Елисеевского дома (розовый, дубовый, оливковый залы).

— И тогда я решился снова прийти к ректору с наглой идеей: «Пустите нас временно на второй этаж». Он проникся и дал устроить эту движуху, — рассказывал профессор, не замечая, что перешел на студенческий жаргон. — В последний момент с помощью городских властей нашли инвестора, который поверить не мог, что на Биржевой будут очереди из желающих «поглазеть на стекляшки».

Самые эффектные из «стекляшек» — тринадцать оптоклонов оригинальных шедевров из Музея Фаберже в Санкт-Петербурге. Детище XXI века — оптоклоны, или ультрареалистичные полноцветные голограммы, освещенные самыми современными светодиодами, неотличимы от изображаемого предмета, что позволяет проводить выставки музейных реликвий в разных городах и весях, не перемещая оригиналы. Выразительны и примеры применения цифровой голографии — в образовании, строительстве, медицине: объемные чертежи, модели, томограммы, которые можно анализировать «по удаленке».

Изрядно просветленный посетитель выставки Magic of Light мог своими руками провести опыты с тенями и плазменными шарами, поиграть на лазерной арфе, порисовать лучом, погрузиться в «окно бесконечности» светового тоннеля, заглянуть в экосад с деревом из лампочек (арт-объект на тему здорового образа жизни и гармонии с природой), прогуляться по лесу, сотканному из световых струн, почувствовать на себе «взгляд ангела»... За четыре месяца выставку посетили 82 тысячи человек!

Правда, за это время Стафеев не успел написать ни строчки для четвертого тома энциклопедии об истории изучения света. И вряд ли в ближайшее время напишет, поскольку погружен в разработку концепции музея «Мир науки» в Лахте, по отношению к которому Magic of Light — пилотный проект. Экспозиционные площади вырастут в шесть-семь раз, столь же увлекательно, как оптика, будут представлены другие сферы научного поиска,

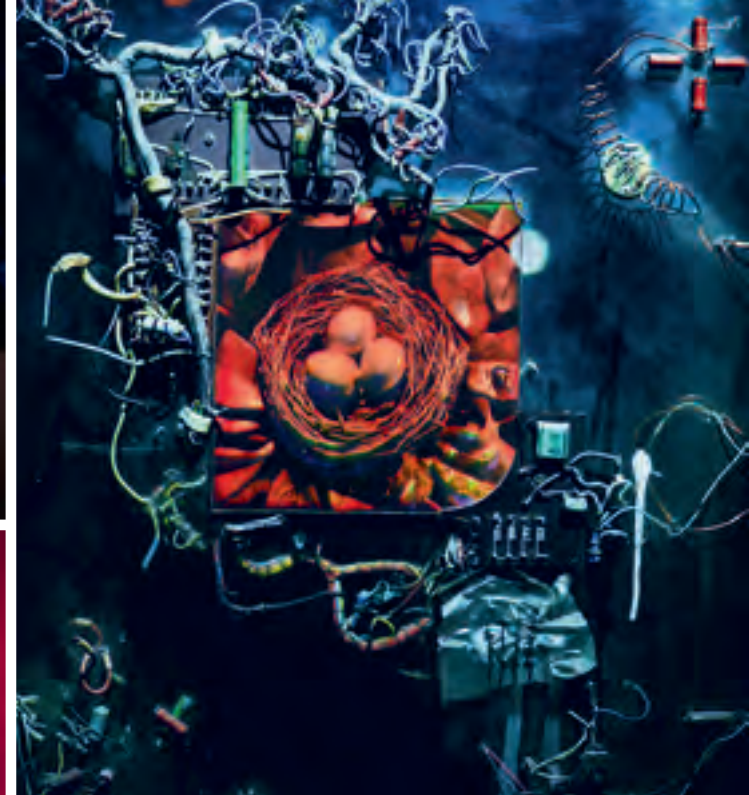

В 2010 году Европейское оптическое общество признало экспозицию Университета ИТМО на Биржевой линии Санкт-Петербурга лучшим музеем оптики в мире.

Музей преподносит широкий спектр световых явлений: поляризация, преломление, интерференция, дифракция, голография.

В Музее оптики вам продемонстрируют эффект преломления света в плотной среде на примере исчезающих в воде шариков (явление, открытое великим греком Птолемеем почти две тысячи лет назад, легло в основу современной волоконной оптики); придуманное еще древними китайцами магическое зеркало, в котором отражается узор на его тыльной стороне; солнечные часы и другие артефакты астроархеологии, выявляющей связь наблюдений за небесными светилами с мифологией, хозяйственной деятельностью и примитивным искусством древних, существовавшую задолго до того, как появилось греческое слово «оптика».

Музей оптики Университета ИТМО проводит экскурсии для школ по предварительной записи и открыт для всех желающих по выходным. Ряд туристических фирм Петербурга внесли его в свои маршруты.

У посетителей Magic of Light буквально глаза разбегались от обилия световых инсталляций, причудливых голограмм и оптоклонов.

от водного мира до робототехники. Но главное отличие мега-музея — в четком зонировании. Из пятиэтажного Science Show, научного театра, где ребята смогут «поиграть в науку», перекинута два мостика через мол, в лаборатории, где их сверстники реальной наукой занимаются под присмотром студентов и аспирантов.

— Важно поддержать эту продолженную активность, — поясняет Сергей Стафеев. — Выставка рассчитана на wow!-эффект, извлекать его мы научились, нужно сделать шаг к подготовке абитуриентов по конкретным отраслям знания. Недаром партнером города и «Газпрома» выступает совет ректоров вузов Санкт-Петербурга.

Он понимает, что втянут в воронку грандиозного коллективного проекта, что дописывать книгу с автографом из Далай-ламы «Делись своими знаниями. Это путь к бессмертию» придется урывками. Зато какие светлые перспективы!

RUSSIAN MAECENAS

December 2015

Issue 3/22

With
Russian
pages

7 FEATURE ARTICLES
ABOUT CREATIVE PEOPLE
IN ST. PETERSBURG

За заставили аэтирмаскони
Види, буиуст, сдматонна, нсма,
Уде не спалт ми в дрс, мазусне,
Тишина круам, как прсже, тишина.

За заставили аэтирмаскони
Види, буиуст, сдматонна, нсма,
Уде не спалт ми в дрс, мазусне,
Тишина круам, как прсже, тишина.

*Fair Government
Strong Business
Prosperous Citizens*

RUSSIAN MAECENAS

Arkady Sosnov — Editor-in-Chief
Igor Domrachev — Art Director
Andrey Zaitsev — Photo Director
Maxim Neizvestnyh — Photographer
Maria Razumovskaya — Photographer
Elena Morozova — Copy Editor
Irina Hicks — Translator

Editorial Office: 5 Universitetskaya nab, flat 213,
199034, St. Petersburg. Tel./Fax +7 (812) 328 2012,
tel. +7 (921) 909 5151, e-mail: sosnov@pressa.rus.net
Website: www.rusmecenat.ru

Chairman of the Board of Trustees: M. B. Piotrovsky

Founder: Arkady Sosnov

Publisher: St Petersburg Social Organization
'Journalist Centre of International Co-operation'
Address: 5 Universitetskaya nab, flat 212, 199034,
St. Petersburg. Tel./Fax +7 (812) 328 2012.

**Distributed to the leaders of government agencies,
companies, cultural institutions, and charities.**

Julia Popova — Representative in Great Britain,
rusmaecenas@gmail.com

The Magazine is registered with the Federal Agency for the Supervision of Conformity
with the Legislation in the Sphere of Mass Media and the Preservation of Cultural Heritage.
Registration certificate: Pl No. FSZ-8864 from 01.11.2007. Issue submitted to publisher
04.12.2015. Printed at 'Premium Press', 4 Optikov St. 197374 St. Petersburg.
Circulation: 2000 copies. ©Russian Maecenas, 2010.

The use of this material is only permitted with the written approval of the editors.
The opinions expressed by the authors do not necessarily reflect those of the editors.
The editors have no responsibility for the contents of the advertisements. All advertised
products and services have the required certificates. All rights reserved.

Cover images:

The city has become a territory of creativity.
Photo: Alexander Petrosian.

Project
supported by
a St. Petersburg
grant

Hello!

Territory of Creativity

What comes to mind when St. Petersburg is mentioned? The Neva, white nights, a window on Europe, the Hermitage, the Mariinsky Theatre, the Cultural Capital... all in all, a magically beautiful city... This is the image of the city for the thousands of visitors who come here and for those who are only thinking of a visit. The image is correct, but not complete.

A city with a population of five million is a complex mechanism, a living and changeable entity. And it is important to see those who are creating its new appearance and forming a modern image of St. Petersburg. They are not necessarily famous ballet dancers or luminaries of world science — simply intelligent, energetic and talented people who are customarily called the creative class.

Giordano Bruno once said: 'Se non e vero e ben trovato' ('Even if it is not true, it is well-conceived'). This saying has been quoted several times by classic authors: Dostoevsky, Bulgakov... And if what has been conceived is the truth? If the conceiver has been able to bring his idea to fruition and win public recognition for it? We call these people successful and accomplished: in whatever field they operate — in business, education, culture or social

projects — it is they who are building the new reality. Thanks to them the city is becoming a territory of creativity. There are many such people in St. Petersburg and it is a pity that we can feature only seven of them in this issue.

Those that we have chosen are self-sufficient people with no complexes of frustrated egotism — they associate with colleagues and partners from different countries on equal terms. They are known and appreciated for specific achievements, but we feel that they should be known and appreciated even more. That is why this issue is published in two languages: Russian and English. It will help to bring information about St. Petersburg's creative people and forward-looking projects to readers abroad.

Finally, I will let you into an editorial secret: it was far from easy to interview these people — partly because they are extremely busy, absorbed in their work and reluctant to be distracted, and partly because of the difficult characters with which gifted people are blessed. Never mind, it does make our work more interesting...

I wish you enjoyable reading!

*Arkady Sosnov,
Editor-in-Chief
of Russian Maecenas*

EFFECTIVE PRACTICE

FROM STERILE ROOMS TO THE MARKET

Oleg Zherebtsov is getting the Russian pharmaceutical business on its feet / p. 4

A MODEL WITH LIFELIKE DETAIL

Sergey Morozov has constructed a composite image of Russia in a huge model / p. 12

SURMOUNTING BARRIERS

ON WHEELCHAIRS IN THEIR OWN ESTATE

Andrey Dombrovsky is teaching young disabled people to live / p. 18

OOPS!.. AND THE AUDIENCE LAUGHS

Larissa Afanasyeva runs a unique circus for street urchins / p. 24

CULTURAL LAYER

THE BEST BOOKS IN THE BEST ORDER

Konstantin Shavlovsky has created St. Petersburg's best-known bookshop-club / p. 30

Contents

25 YEARS WITHOUT A BREATHER

Sergey Shub has created
an international
theatre-festival / p. 36

INVESTING IN INTELLECT

MIRROR, MIRROR ON THE WALL...

Sergey Stafeyev has devised
the best optical museum
in the world / p. 44

Event

On Mother's Day people in the city attended an unusual Mum Parade. The star attraction was a three-metre child's pram with large daisies (an art object by Alexey Sergienko) which could comfortably accommodate not only children but their mums too!

Photographs by Anastasia Shumilova
and Yuri Bogatyrev

From Sterile Rooms to the Market

OLEG ZHEREBTSOV IS GETTING THE RUSSIAN PHARMACEUTICAL BUSINESS ON ITS FEET

Arkady SOSNOV. Photo: Maria Razumovskaya and the Solopharm press office

Single-dose preparations have numerous advantages for consumers.

Despite his casual appearance (T-shirt and jeans), Oleg Zharebtsov, General Director of the new Solopharm pharmaceutical factory, greeted me quite coldly: 'You're ten minutes late. We'll have to take ten minutes off the time allotted for the interview.' The walls of his office are full of photographs of yachts with a technological diagram and a singlet with the autographs of skippers in the Volvo Ocean Race of 2008–2009: Zharebtsov took part in the round-the-world race as a forecandle sailer on the only Russian yacht *Kosatka* (Orca), which he himself had conceived while he was still head of the supermarket's chain. What wind blew him into the pharmaceutical business, whose 'territory' on the cusp of medicine and public health conceals a host of barriers and dangers, what inspired him and how does he propose to elbow imported medicines off the chemists' shelves? So many questions — I was already regretting those lost ten minutes.

There did not seem any point in explaining that I had wasted those minutes making my way through his factory with endless changes into overalls and caps, and that it sometimes seemed that I was wearing two pairs of overshoes. Solopharm manufactures sterile medicine containers (bottles, ampoules, syringes for injections, infusions and inhalations). The sterility is achieved by means of the fashionable BFS (Blow-Fill-Seal) technology, whereby the polymer container is instantly blown out, filled with solution then sealed to avoid contact with the air; this attention to sterility has been elevated to cult status.

The total area of clean rooms in the factory and in the laboratories is 3,000 square metres. There are four sterile zones, four phases of air purification and six stages of water preparation, including softening and distillation. Oleg Zharebtsov did not just buy a four-hect-

GMP (Good Manufacturing Practice for Medical Products) — international standard for manufacturers guaranteeing quality control of medicinal products and biologically active additives. The standard certifies that a health product is made in accordance with a declared formula (composition), does not contain any extraneous inclusions, is appropriately marked and packaged and maintains its properties until the indicated expiry date.

The factory's annual output is: 35 million bottles of infusion solutions, 280 million ampoules with solutions for injections, 10 million nasal sprays, 60 million packs of ophthalmic preparations.

The Investment Committee supported a proposal to grant the status of 'Strategic Investment Project of St. Petersburg' to five significant projects involving the comprehensive development of sites and the use of new technology in the fields of energy, communications, gas and health care. They included the expansion of production at the Solopharm pharmaceuticals factory.

Press Office of the Administration of the Governor of St. Petersburg. 29.10.2015.

Oleg Zharebtsov:

'The image of businessmen in Russia is quite negative. People see them as people who are filling their pockets, interested only in money. But if you are working non-stop and rarely see your children, and then only early in the morning and late at night when they are asleep, money is not the most important thing to you. It is only a measure of the effectiveness of what you are doing.'

Effective practice

are plot of land on the Okhta and build a toy factory of bright yellow and silver-grey cubes in two years — ‘a little bit of capitalism on the edge of the city’: he actually aimed at pure capitalism.

The tour of the factory was fascinating: I was introduced to the haughty autoclaves Tom and Bob, the machines for making single-dose containers and ampoules for ophthalmology Aleksa, Vesta and Clara, the lines for the manufacture of infusions Oscar and Rex, and the piercing chromatographs for quality control Holmes and Poirot. This ‘animated’ production line is the invention of Oleg Zherebtsov — ‘to make life more fun’, as he put it. The corridors are labelled ‘Italyanskaya Street’, ‘Unter den Linden’ (a tribute to his partners, the suppliers of the very latest equipment). There is also a Professor Popov Street and a Doctor Bormental Street (familiar names!) and the Southern and Northern Wharf lofts for relaxation (continuing the marine theme), with Wi-Fi and TV screens.

An ideological theme can also be perceived in the melodious name Solopharm. The factory is a solo project, outside the special economic zone where the city’s other pharmaceutical companies are located. It was built on private investment, which Zherebtsov is convinced is the most effective: let the state control business, and only that. ‘Only private capital can create something liquid and competitive’, he said, albeit not nurturing an illusion of full autonomy. ‘We don’t make electricity — it is supplied to us, but we are not happy with its quality. The phases are unstable and play havoc with our production lines.’

But do you know what the main charm of this ‘toy’ is? A factory with mainly imported equipment that meets international GMP standards is producing high-quality Russian preparations that are in demand and affordable. On the strength of competent engineering, low energy consumption and labour expenses Zherebtsov and his team have been able to reduce prices for medicines by 30–40% in comparison with their overseas competitors. The factory is de-

Effective practice

veloping 57 preparations for pulmonology, orthopaedics, otolaryngology... Most of all, it produces 22 ophthalmological solutions (some of them have already been approved by the Medical University's clinic and registered) — until recently this market was totally dominated by foreign products. So the country cannot provide its citizens with ordinary eye-drops? Alright, in the near future Solopharm, according to its director, will be producing a quarter of the preparations required in Russia for the treatment of glaucoma (the most common cause of sight impairment).

Professor Yuri Astakhov, who has been chief ophthalmologist on the St. Petersburg Health Committee for over thirty years, showed me these preparations in single-dose polythene containers — a unique Russian design developed at Solopharm. Its advantages are absence of preservatives, sterility, a fixed dose, economic expenditure and convenience of use, whether at home or on a journey. Two years ago Zherebtsov went to the Medical University and asked him the direct question: "Tell me, what preparations do you need?" Astakhov believed in him at that first meeting: 'I saw a kindred spirit who was convinced that we could produce our own high-quality medicines, initially using foreign equipment but gradually introducing Russian components and laboratory developments. Oleg Zherebtsov is one of those people who are used to setting themselves a challenge — difficulties only spur them on.'

The grey-haired master insists that the very future of Russian health care depends on such tough uncompromising maximalists. Perhaps that is why the director is a man of few words.

He is one of the generation of businessmen spawned at the height of perestroika. Some of them are no longer with us and are now far away, but Oleg Zherebtsov is his own man, living and working in Russia — not counting business trips abroad.

In 1988, after completing his military service, he entered the Mining Institute, where he shared a room in the student hostel with Oleg Tinkov, the businessman who is known partly for his

Effective practice

Kosatka had the humanitarian idea of saving the whales on its sails.

Oleg Zherebtsov applies the lessons learned from the race in the organization of his business.

I would like to think that in these difficult times people (not only doctors) will see Oleg Zherebtsov as an example and believe that it is possible to make our own high-quality medicines in Russia — yes, on imported equipment for the time being, but at least it is our own! And with every year that passes there will be more and more Russian components in the production process.

Yury ASTAKHOV,
Principal Ophthalmologist, St. Petersburg
Health Committee

outrageous behaviour. They both started trading on the 'buying and selling' principle. It didn't matter what they dealt in — CDs, clothing, cosmetics, a little later computers — the idea of getting rich quickly was a lure for many students at that time. But soon the paths of the two Olegs diverged, not only because of their different characters. Zherebtsov simply went his own way a year later after graduating from the institute and three years later opened his first cash-and-carry. Thanks to the introduction of IT and Internet technologies, logistical warehouses, a quality control system and other advanced methods, that first shop grew into a chain of 32 hypermarkets that took shopping to a new level to meet consumer demand.

Oleg has no regrets about not continuing his studies — he organized his business with characteristic thoroughness, visiting hundreds of hypermarkets in different countries. It was the same with the English language, which he learned initially by translating faxes from foreign partners with a dictionary: 'When you crawl on your

hands and knees along the skirting-board of a shop somewhere in Oklahoma, you always remember what it's called'. He also spent a year and a half in England training for the Volvo Ocean Race.

Oleg was probably deprived of the romance of the sea in his dry-land childhood and his mining youth in Kazakhstan and the Caucasus, where his father worked in the pits. He acquired it when he was older, but the audacious attempt to race around the world with the best yachts in the world was only a partial success. *Kosatka* did not make it back to St. Petersburg: after sailing from Alicante via Cape Town, she finished her race in Kochi in India.

He now admits: 'It was great to break into the sailing elite, but by and large we were amateurs, and not only from a competitive point of view. Even I as a businessman did not appreciate all the difficulties of managing the project. There were 38 of us, but only eleven were 'wet-bobs' — the rest were 'landlubbers': technicians, engineers, doctors, managers.'

Effective practice

Kosatka, designed at Southampton with the direct participation of Zherebtsov, did not let him down and reached record speeds on individual stages. What she lacked were experienced ocean-going crew members, precise navigation and financial resources, the latter being obvious from *Kosatka*'s virgin-white sails with no advertising logos. She was unable to compete without sponsors of the calibre of *Ericsson* and *Puma*. Nevertheless, Zherebtsov looks upon it as an invaluable experience. After the race he was a member of the Russian team which won the European Championship and the British Championship in that country's own waters, an achievement of which he is especially proud.

During the race, at the limit of his physical and moral strength, he learned that in order to compete with the best you have to be one of the best in every respect. That is why he does not compromise in equipping his factory with the last word in technology: 'If we don't invest in the latest machinery, we will lose the business in

three or four years, but that doesn't mean that we can relax and assume it will last forever. Tomorrow a new processor or machine will come on to the market and the guy who uses it will overtake you. Relying on new equipment comes with a risk (underdeveloped technology can become a white elephant), but when you are targeting ten points in four or five segments of pharmacology, you are bound to score at least two or three direct hits.'

After his experience in the Volvo Ocean Race, Oleg does not trust recruitment agencies and does not begrudge time spent in interviewing new employees (over sixty people have joined the company in the past year).

He learned a great deal about himself during the race: 'You are climbing a mast or hauling a sail at night and you don't know what might happen in the next second. Something might break or tear, or there could be a squall. And you feel you could fall into the ocean at that moment. Sometimes it seems that you've reached the end of

What are the advantages of single-doses? Firstly, they do not contain any preservatives which are usually somewhat toxic for the eyes. Secondly, they are convenient to make and to use. Thirdly, and most importantly, there is every reason to believe that Russian single-doses will not differ substantially in price from the same quantity of preparation in 5 ml or 10 ml containers. Single-doses produced by foreign companies are very expensive.

Effective practice

your tether and can't go on. It seems like that for four days, and on the fifth you get a result. Then it becomes unbearable again and you say to yourself: stop, Oleg, calm down, you've been through this before and come out of it'. The forecastle sailor of the *Kosatka* learned this mental resistance to constant stress from ocean-going masters. He has tried to apply it to the running of his business, though there are certain things that infuriate him, such as the archaic distribution system of medicines to chemist's shops. Then again, he has his experience of the retail business, in which it was also necessary to change the state distribution system. The factory has already signed contracts with 116 Russian companies, and this network will expand.

Zherebtsov realizes the social importance of his business, which includes creating in these four hectares of land reclaimed from the wilderness an atmosphere of stability and comfort for Solopharm's 250 employees, who receive, apart from their wages, bonuses and fringe benefits and a sense of participating in a great undertaking. He likes popping into the laboratory: 'You see the bright faces of researchers who are not merely 'mixing molecules' but creating medicines which we are bringing to life and can run their hands over the result in beautiful packaging'. But he is obviously driven by the desire to be successful in a field that others have been unable to cope with: 'Pharmaceutics is a noble matter, but a thankless one — it has defensive barriers for many people as a result of a combination of various difficulties. Medicines are still expensive in Russia because most of them are imported. When we purchase a production line and start manufacturing medicines there will be a colossal reduction in prices and they will become more affordable. And if we make that breakthrough, it will be an element of self-fulfilment for me'.

Everything about the business is interesting to him: he not only thinks of names for the machines, but also names for new medicines (Gilan, Oxyphrin, LinAqua), which will become brand

Effective practice

names. Incidentally, LinAqua was his own idea: to produce 100% sterilized sea water for irrigating the nose and throat in single-dose ampoules and aerosols. The source is the Gulf of St. Malo in Brittany, where, according to ecologists, the water is purest and richest in minerals. They could have used water from Lake Baikal, but salty sea water was required. Besides, French water, like French perfume, has a particular marketing charm... At the factory they joke: 'We have a design department, a quality control department and we have Oleg'.

There is certainly scope for the business to grow on the adjacent 1.7 hectare site. Zherebtsov is planning a new block for the manufacture of hormone preparations, vaccines and biotechnological products — six additional production lines (for which he will dream up appropriate names, of course), a massive robotized storehouse, an office complex and other accoutrements of a 21st century factory. The replacement of imported medicines is only the beginning: Oleg Zherebtsov is planning to enter competitive markets — from Eastern Europe to Latin America — not only with high-quality generic medicines, but also with new preparations.

...Oleg actually gave me back those ten minutes with his reminiscences about the Volvo Ocean Race. He lamented that he never had enough time, did not devote sufficient time to his family and had given up sport. He admitted that his dream is to hand over the day-to-day running of the factory to specialists in that field in two or three years' time and to concentrate on strategic projects, perhaps to set up a new company for the manufacture of preparations based on genetic engineering. 'But for the time being I am the director, with a huge amount of paperwork, meetings, conferences and planning sessions. Since January I've signed 17,000 emails, and there will be about 7,000 more before the end of the year. That's the rhythm of my life twelve hours a day, six days a week. Today, for instance, I took a three-minute lunch break.' That is how Oleg explained his strained relationship with time.

Despite his complex disposition he believes that the future for Russia is bright, though some businessmen will find it uncomfortable on the switchback of our economy. The healthy market economy will come out on top, the state's share in the economy will be reduced and that of private initiatives will grow, professionals will squeeze out demagogues and bunglers and everyone will have access to good-quality medicines — that is what Oleg is fighting for.

Pure intentions, clean hands and sterile rooms — surely that's quite an achievement?

Oleg Zherebtsov has a difficult relationship with time — it is always disastrously short.

A Model with Lifelike Detail

SERGEY MOROZOV HAS CONSTRUCTED A COMPOSITE IMAGE OF RUSSIA IN A HUGE PANORAMA

Vladimir PETROV. Photo: Maxim Neizvestnyh

I recently spoke to a young couple from Kazakhstan who were spending a week in St. Petersburg.

‘What are you planning to see?’

‘The Hermitage, the Summer Garden, the fountains at Peterhof, the big model of Russia...’

‘What model?’

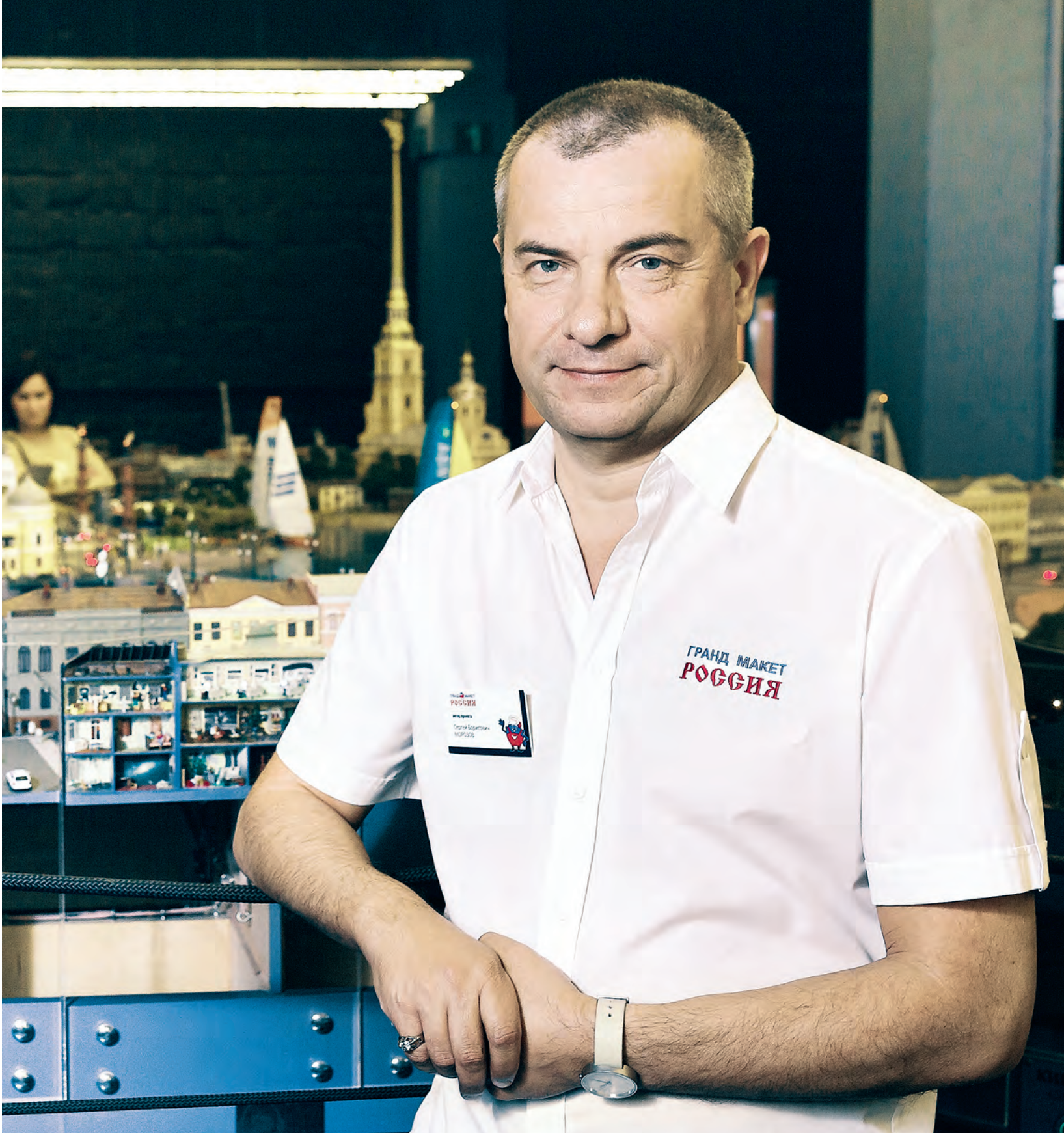
‘Don’t you know? Our friends told us about it!’

I made enquiries and now I know what the *Great Model of Russia* show-museum is all about. What’s more, I thoroughly recommend everyone to visit it.

The worst approach would be to attempt to give an accurate picture using dry statistics — it is far better to see it for yourself. Nevertheless, try to imagine a country spread over an area of 800 square metres: a variety of landscapes and stretches of water,

bridges and tunnels, buildings and stadiums... Day becomes night and vice versa, 250 trains and just as many cars speed along their regulated routes. Hundreds more vehicles, construction machinery and other units are static but enliven the landscape. Thousands of this country’s people are involved in various familiar occupations — some serious, some funny. The occupations are familiar because this miniature wonderland is Russia as Sergey Morozov once imagined it. Morozov is a highly successful businessman, but felt that his life would not be complete if he did not bring this idea to fruition.

Morozov cannot now remember what first spurred him to undertake the project — he says he just heard an inner voice telling him he had to do it. Of course he had always liked models and had had an East German model railway at home when he

Different concepts of the image of Russia and various scenarios of the country's future development are featured. In the Great Model of Russia is identified as part of the European cultural scene. Its perception as part of Europe with equal rights, above all by Russians themselves, should lead to the creation of a positive image of the country. In this sense the Great Model of Russia is one of the most patriotic brands of the Russian Federation... And the concept of the project and its fulfilment is an example of genuine patriotism, placing the promulgation of an idea above transient material interests.

Sergey KUMCHY,
Art Historian

Moscow, as the capital of Russia, and St. Petersburg, as the initiator's native city, are the most visible parts of the model. A particular accent is laid on the Far East of Russia, stressing its European appearance.

Sergey Morozov:
'Visitors' comments are the most important barometer of our efforts'.

Effective practice

was a child, but what he dreamed of was nothing like children's games. He started making his dream come true in 2008 — right in the middle of the economic crisis. He never even considered giving up the idea or putting it off until circumstances were more favourable, but it came at a cost: he not only had to transfer funds from his other businesses, but also had to make personal sacrifices — he sold part of his collection of art deco sculpture, one of the largest in Russia at that time.

He decided not to recruit modellers, but invited engineers instead — all they needed was a correctly formulated plan. When the work was under way he was already looking at similar projects. There is a *Miniature Wonderland* in Hamburg, so he enlisted the aid of German specialists, albeit not from that museum. One of them was paid an enormous sum of money for three months' work on the model, in which time Morozov came to the firm conclusion that even if someone has made a lot of pleasure boats it does not mean that he is capable of building a cruise liner. Matters came to a head when, with construction in full swing — the landscape had already been made and the roads laid, the foreign expert was asked the quite natural question: my dear sir, where and how do you propose to put the hatches necessary for servicing the model? 'That's your problem!' was the dispiriting reply. It was then that Morozov finally realized that he had to rely exclusively on his own experts. Incidentally, there are now 160 of those hatches in the model; they are so well disguised that visitors will not find them and even the staff have to use a special map.

It goes without saying that quite a few established ideas were used in the model, but were all adapted for the project. Morozov's team had to shoe a flea, as the Russian saying goes. Credit must go to the project's foreign partners: they appreciated the revisions and improvements to the items and assemblies they had manufactured, replacing scepticism and condescension with respect and interest in collaboration, especially as unique

technology had been used in the model. Whereas miniature trains moving along rails have long ceased to surprise anybody (by the way, they are controlled by a programme similar to that used on a real railway), road traffic is considerably more complicated, mainly because the batteries have to be charged periodically. A radical solution to this problem was found: the cars run along the roads without refuelling thanks to the miracle of electromagnetic induction. Morozov compares the algorithm of their complex movements with an aquarium: the fish can swim around as they please but cannot go beyond the bounds of their allotted space.

The model has been open for over three years and forty books of visitors' comments have been filled in that time! The reactions mostly express delight and some are amusing, but the

Maria Trapenkova came with her son from Blagoveshchensk in the Amur Region.

Everything is lifelike: a scene on the beach.

Sergey Morozov (right) with Technical Director Maxim Ivantsov. A planning session without leaving the model.

The control panel.

most common complaint is 'why is our city not represented in the model?' 'Visitors' comments are the most important barometer of our efforts,' says Sergey Morozov. 'It is nice when people are grateful, especially as our people are so demanding, particularly when they are paying money. As for the absence of specific towns and villages, I never tire of repeating that our model is a composite image of Russia that has to be seen in the abstract. After all, nobody is bothered that Stierlitz speaks Russian in our favourite film.'

Morozov frequently likens it to the cinema. 'There are architectural and presentational models which are lifeless; our model relates to reality in the same way as a feature film relates to a documentary'. The artistic element of the model is created not only by intricate movements but also by a wide range of recognizable genre scenes: from a demonstration with banners to a cortege with flashing lights and a security guard by a front door. The author of the great majority of these themes from real life was Sergey Morozov himself. 'We were sent a document with examples of accounts for holding a subbotnik (a territory clearing exercise), asking us to say how many bushes had been planted and where, and we don't have a single centimetre of land! That was the inspiration for our subbotnik scene, with one person holding a spade and several others standing around with documents'.

Morozov stresses that this is not a sly dig at anyone in particular — just an ironic view of life. He is a patriot, but not with rose-tinted spectacles, so he cannot help drawing attention to current problems. 'Some people wave flags and wear T-shirts with portraits of the President, but in my opinion patriotism begins with the quality of one's own work'. The author of the big model of Russia repeated this expressive phrase several times in the course of our conversation. He believes the state's most urgent task is to instil this concept into people's consciousness.

Effective practice

Left to right from the top:
Broad is my native country...

An ordinary day in St. Petersburg:
cross-section of a residential building.

Every 12 minutes night falls over
the country for two minutes.

The rivers in the model are made
of two-component epoxy resin,
as is lake Baikal.

A relatively new part of the model —
the Sochi 2014 Olympic Complex.

Balloons are featured in the model.

Russia — a sporting nation.

On Wheelchairs in their Own Estate

ANDREY DOMBROVSKY IS TEACHING YOUNG DISABLED PEOPLE TO LIVE

Sergey TEPLOV. Photo: Maria Razumovskaya

A wide-open world.

On the way to New Peterhof Andrey Dombrovsky told me about the system of institutions with the telling name PNI — Psycho-Neurological Internats (boarding schools), though the word ‘pni’ also means ‘tree stumps’ in Russian. Pupils from special children’s homes are sent to these institutions when they reach the age of 18, essentially for the rest of their lives. PNI No.3 in Old Peterhof is a typical example: a hostel-hospital for 1,300 residents living in crowded wards — discipline, routine, schedules, full state provision and no scope whatsoever for individual development.

‘A female orderly in a children’s home once had a go at us volunteers: she wanted to know what we were protesting about — ‘they’re all clean and well-fed, what more do they need?’ What they need most of all is communication with the outside world — if they don’t have that they start running to seed, no matter how well they are looked after and fed.’

Andrey is convinced that many people with mental and physical disorders could live independently outside these institutions with the right support. He is attempting to prove this in an unconventional way by setting up a sort of commune — an agricultural commune! This is where we were heading with Dombrovsky’s youngest children Fedya (three and a half) and Timosha (18 months).

While the suburban landscapes were flashing past the train’s windows I recalled that I had first met Dombrovsky six years earlier on board the British yacht *Lord Nelson* which had arrived in St. Petersburg. The yacht had had a mixed crew, half of them people with special needs. At that time Andrey, a geography teacher by profession, was running the *Podorozhnik* (plantain in English) volunteer organization and had brought his charges to the yacht, some of them in wheelchairs. They looked enviously at the clever

Andrey Dombrovsky is not afraid to challenge the customary mistaken attitude of society to people with disabilities. The youngsters we work with have serious development problems, but they still study in art studios and take part in exhibitions. Dombrovsky is trying a new way of tapping into their adaptive potential. Not only was that potential not being used in the internats — it was being extinguished. Besides providing direct help to his charges, Andrey is proving that they do have great potential for development which should be in demand.

Maria OSTROVSKAYA,
President of the Prospects Public Charity,
Clinical Psychologist

Andrey Dombrovsky:
'The aim of the project is to search for a space where young people with restricted abilities can lead a meaningful life. I can see how the children's home mentality affects their life now, how the hospital's rules have eaten into it. Up to now they have always been told 'you can't'. We are trying together to overcome that 'can't'. At the Chibis Estate they can do many things that they have previously been forbidden to do: eat with a knife and fork, not just a spoon, use a hammer, an axe, a saw and even a nail-puller, watch the sun rise and set... They can live, not just exist'.

Surmounting barriers

contraptions that enabled 'special' youngsters like them to sail the world's oceans.

Then on principle, after winning a competition, he took over the management of a children's home and told the whole country in a blog that he was 'cleaning the Augean stables'. It is surprising that the obstinate fellow lasted two years in the job! After that he became director of the *Place in the Sun* charity and formed the concept of a multicentre where young people with disabilities could study and work. The theory was that they would join the open competitive labour market with equipment to compensate for their disabilities, initially accompanied by mentors. Romantic? Idealistic? Perhaps, but the Leningrad Region Multicentre has recently been launched on this very basis.

In parallel Andrey set up workshops for the production of decorative candles in a space provided by one of the charity's partner companies and put lads from the PNI to work there, making candles by hand. The work was not difficult — paraffin is a soft warm material and the results were beautiful. In order to feel this warmth, however, it was necessary for six boys in wheelchairs and two volunteers to travel from Old Peterhof to Vasilievsky Island. Initially they had a minibus, then changed to public transport. It was hard, but Dombrovsky thinks the experience in the world with barriers was beneficial: 'We were crossing Palace Bridge in a bus and I asked Sasha Makurin: 'Have you been here before?' 'No', he said. I was amazed: he was 24 and it was the first time he'd been in the centre of his native city! And when that same Sasha tried to show his independence and got lost by taking the wrong train, it was a personal experience for him but not a tragedy: after all, we have all been lost at least once in our lives.'

There was a reorganization at the factory and the candle-making venture folded, as did Andrey's connection with the charity, but he did not give up the idea of finding a place, preferably closer to Old Peterhof, where the lads could come and work (and earn money!).

Getting to know the neighbours.

The first steps were the most difficult.

At the weekend we managed to reconstruct the well. As a result we not only now have water, but Vanya is able to get it. Yesterday he watered the greenhouse himself and had drawn the water in the morning so that it had warmed up. Emil helped with some building reconstruction: we removed the partition that was creating an obstacle at the entrance to our kitchen wagon.

Andrey Dombrovsky. VKontakte

Surmounting barriers

Then — a miracle: Maria Revzina, a restaurant owner who had helped with *Podorozhik*, told him there was a large uncultivated plot of land in New Peterhof whose owner was prepared to let Andrey have it rent-free.

The lads travel from the hostel to the site in a local bus, then on foot along a road broken up by dumper trucks. It is not easy for them to get on the bus. The drivers sometimes refuse to lower the ramp, swear and don't want to wait while a volunteer loads a wheelchair with an invalid. All the same, it is closer and quicker to get to than Vasilievsky Island.

Last autumn Andrey went to inspect the site with Vanya Sharipov, an enthusiast of free living from the PNI in Old Peterhof. They took a melon and a watermelon with them for the occasion. They saw those four hectares overgrown with tansy and had a good think. And then came another moment of truth for Dombrovsky:

‘We were standing on the canal bank and could see red rowan berries in the distance. I asked Vanya ‘What’s that tree?’ He thought and thought, then said: ‘Strawberry, probably’. Perhaps Andrey felt like Robinson Crusoe when he found his Man Friday?

In spring they started making themselves at home in the open field. A construction company gave them two of their old site huts — one of them is now the bedroom, the other the kitchen with a ramp up to the entrance. They get their drinking water from a spring and keep it in jerrycans, while the water for washing and watering the plants comes from a well and is kept in a barrel. Another company which responded to Andrey’s plea for appliances for the rehabilitation of people with disabilities gave them a solar panel — they installed it on the roof as a symbol of scientific and technical progress. Each purchase was discussed in detail and became a special occasion: film for the greenhouse, a large saucepan, a chainsaw...

Vanya Sharipov and Kolya Pogodin.

An ordinary day at the *Chibis Estate*.

It was necessary to widen the path in the greenhouse so that the wheelchairs could not only go forwards and backwards but could also turn round. Even picking the tomatoes was not easy, never mind growing them (the harvesting was filmed by Channel 1 — there’s fame for you!). Dombrovsky is a city-dweller and has never had a garden, to say nothing of his lads. ‘Their idea seemed to be that planting was just digging deeper’, laughs Andrey. ‘They planted mint, but it didn’t take. Vanya’s cucumbers took, but they flowered only in the middle of August — he was still proud of them’.

Emil Nazarli with the first tomato harvest.

The first borshch. They chopped and cooked the vegetables themselves!

On Monday I finally bought a chainsaw. On Wednesday Vanya had a go with it. Although the idea of a chainsaw in the hands of someone in a wheelchair is hard to imagine, the trial was a success. Vanya has powerful arms, a strong back and normal coordination of movement. As I had only started to master the chainsaw the day before, I could fully share Vanya's delight: in three minutes we had as much firewood as it took half a day to produce with a hacksaw.

Andrey Dombrovsky. VKontakte

There was a difficulty in deciding on a name for their settlement — until, that is, they discovered a colony of lapwings ('chibis' in Russian) in a nearby meadow. To be more precise, the birds announced themselves with their cries and mating pirouettes above the field. And so it became the *Chibis Estate*.

Vanya Sharipov greeted us: 'Just smell how fresh the air is! And cockerels crow in the morning! After three months I'm used to it.' He has already finished his morning inspection of the estate and, as a long-term resident, gave me a short tour beginning, as it should, with the stove. On Russia Day (12 June) Vanya spent the night there for the first time and realized he had to stoke the cast-iron stove they had been given by a neighbour, because his mattress had been wet with dew by morning.

'To do that he had to light firewood, and that was another epic,' explained Andrey. 'The lads had kept going on at me to take them camping, so last spring we went to the shore of the Gulf of Finland.

I told them: right, here's firewood and matches — get a campfire going. They had never even seen matches in the children's home or the hostel.'

'Matches can get damp, and lighters with a wheel are no good. We started using piezoelectrical ones, which are safer,' exclaimed Vanya.

We were joined by some other lads — Sasha Makurin, Emil Nazarli and Kolya Pogodin, accompanied by their old friend Ben, a volunteer from Germany. Kolya started arranging the reserves of food we had brought, Sasha went into the greenhouse and Emil went to get water — they each had their own job to do. Dombrovsky's boys are always ready to help, in full accordance with Andrey's doctrine as a teacher.

'Andrey Vladimirovich did the right thing bringing them here, not to a kindergarten,' reasoned Vanya. 'They don't give kids hammers and nails there, but Fedya helped me to make shelves for a rack.'

Andrey was surprised that Vanya wanted to live in the field. He planned outside trips, like to the candle factory, and the experience

Surmounting barriers

of working. The lads have really learned a lot at *Chibis*: for example, Nikolay has sawn wood for the first time in his life. He managed to do it from his wheelchair and enjoyed both the process and the result. But the main thing is that for them the 'estate' is valuable in itself — the opportunity to live in natural surroundings and chat with friends, a complete change of scenery. And to take a rest from the hospital, where they have absolutely no chance of being themselves when they are surrounded by 1,300 people of various ages with different disabilities.

'Vanya and I once set up a barbecue, and I told him: 'Remember this day. Here we are sitting by a campfire eating delicious meat, watching horse-riders prance around in their manege and planes coming in to land... Where else could we do that, in what restaurant?' Andrey also remembers that day!

His dream of blackcurrant bushes from which wheelchair-bound lads could pick the fruit came to nothing. The illusion was destroyed by the sheep and goats that graze in the field — they instantly stripped everything they planted, even the junipers! Andrey did not want to fence off the plot, which would have been expensive anyway, so he has had to make do with the greenhouse. He is thinking of creating a vegetable garden to plant potatoes and carrots, and then apple trees. In the first summer he wanted to open a joinery workshop and even to card sheep's wool, but everyday concerns have prevented him fulfilling these ideas.

'Whatever we do, it's all a workshop!' said Vanya. 'We've made a saw-horse which may be converted into a table for guests. Now we're building a lean-to for storing materials and we'll be able to work at our joinery under cover.'

The estate is open to anyone, but the current inhabitants deliberately do not encourage others to come here. If the population increases they will need more huts, water and electricity — a power supply. Most importantly, Andrey is afraid of turning these four hectares of freedom into something similar to a state institution. That is why he declined an offer from his sponsor Maria to build a

large house at *Chibis*. Another example of idealism, it would seem: however hard you try, you can't do without the PNI, and you couldn't take all its residents into the field. But he sees his social experiment as an attempt to reform the hostel-hospital system based on the experience of Germany and the Scandinavian countries.

'Some of them can stay at the hospital if they wish, and some could be nearby in a series of little houses built in a park zone, where boys like Vanya, Kolya and Sasha could live independently in the unobtrusive care of one adult. Others could move into sheltered flats in the city.'

'And will a place be found for *Chibis* in this scheme?'

'*Chibis* is a safety-valve — a school to graduate from and leave with gratitude.'

'It's a *school of independent habitation*' was Vanya's way of putting it. It is easier for him than for the other lads, as the medical commission has pronounced him as 'able to function'. He is strongly determined, in spite of the bureaucratic obstacles, to wait his turn to obtain a flat and live independently.

'You may come back to this school as a teacher!'

'Yes, when I've learned a lot I'll replace Andrey Vladimirovich.'

Sometimes there is a desire to get out into the city.

Simon Oganessian:
Will you spend the winter here?

Andrey Dombrovsky:
Well, the winter will certainly come.
We'll have to spend it here)))

Vkontakte

Oops!.. And the Audience Laughs

LARISSA AFANASYEVA RUNS A UNIQUE CIRCUS FOR STREET URCHINS

Alla REPINA. Photo: Maxim Neizvestnykh and Alexander Slobodskoy and from the *Upsala Circus* archive

Show about the journey through the seasons and cities where they encounter commonplace miracles.

Fifteen years ago Larissa Afanasyeva, a Russian theatrical director, and Astrid Schorn, a social studies teacher from Germany, launched a street circus project in St. Petersburg. In that time the *Upsala Circus* has touched the lives of hundreds of teenagers and has grown into the *Upsala Park*, spread around one of the Polyustrovsky ponds near the Kushelev-Bezborodko dacha on the bank of the Neva.

Why a circus? I don't know, maybe because the circus is like children. We found each other: obviously I needed the circus and it needed me. It was the desire to show that the world is not divided into good and bad, beautiful and ugly. Our children's life stories are all different — they used to hang out in Metro stations, lived in lofts, railway stations, communal flats and refuge centres. Some of them had got into bad company and were hooked on games

machines before coming to the circus. Some of them were collecting empty bottles, some were begging, some were cadging kopecks from the weak — they were all surviving as best they could. I couldn't force my way into this world, I had to enter it carefully, pulling out snotty kids with their shoelaces undone and cigarettes hanging out of their mouths. It had already been made clear to these lads that they were unlucky in life: no education, no talent, no caring parents — in short, they didn't fit in. But I could see they had their own type of experience and view of the world; they had something to say but didn't know how to say it. You may say it is my fantasy, but I can sense the process of their rebirth and I find coping with these difficulties interesting.

'It was Astrid Schorn who first thought of the project', says Larissa. 'She's now in Berlin, writing a dissertation on circus

'Most people think the circus is just clowns and buffoons. These are the sort of stereotypes that have to be destroyed. If I tell people I'm in a circus they ask: and what do you do there? Juggle or ride a motorbike? They don't realize there is so much more to the circus. When they laugh at me, I do a backflip and that shuts them up'.

Lera, 15

'In the six years I've been in the circus my life has changed completely. I don't go around with friends, don't hang out with the people I once did. The circus takes up a lot of time, you have to decide what's more important. And I chose the circus'.

Maxim, 18

'Before I came to the circus I just hung around with the others at school. They're either hard nuts, each of them in their own gang, or they're shy — the girls, for instance. But here we have a team that keeps us together'.

Sasha, 12

Larissa Afanasyeva:

'At our first meeting I tell the kids: we have to do something great together, nothing else will do. But the aim is not for them to become artists — the aim is to make them honest, brave and steadfast in the face of difficulties, so that their experience in the circus will stand them in good stead for the future'.

Astrid Schorn and Larissa Afanasyeva at the 15th anniversary of the *Upsala Circus*.

'The Ping-Pong Effect' is a new experimental show at *Upsala Circus* which was included in a European tour just a few months after its inception and attracted a full house at the *Flying Children* festival. It is the story of how an ordinary object like a ping-pong ball can suddenly become the centre around which the whole world revolves.

teaching applied to children in social risk groups. We've already been here in the park for three years. Come on, I'll show you our big top — it's taken us twelve years to get it!

Larissa took me into the wings, which were full of the machinery necessary for a modern circus. She showed me the stage, the semicircular amphitheatre leading down to it and the gallery that leads to a spacious rehearsal room and a cosy lounge. Not bad for a project whose start-up capital was no more than 100 German marks!

'We had one motorcycle, three clubs and three balls,' recalls Larissa. 'We went up to street children, put clowns' noses on them and invited them to perform in a circus. There are lots of projects like this in Europe, but it was something completely new for St.

Petersburg. In 2000 we founded the *Upsala Circus*, the only circus for hooligans in the world. It's got nothing to do with the city of Upsala in Sweden — our name is a combination of the amusing exclamation 'ups' ('oops') that Europeans say when they stumble or fall over and the melodious syllable 'la'. The combination of Astrid's and Larissa's teaching, creative and organizational talents proved to be just as successful. The stipendiary doctoral student at the Free University in Berlin writes in a paper that 'the methods of circus teaching fill the gaps in the formal education system and are particularly effective in the social adaptation of children with short attention spans, worries and emotional concerns'. Larissa puts it more simply: 'We decided to let hooligans loose in the circus arena.'

To most people neglect is a synonym for inferiority, but for us it is the formal criterion by which we take them, warm them up and get them to stand on their own two feet, not only through the circus. Psychologists, social workers and museum staff also have an input. We even have a cultural programme when we are on tour — in Amsterdam it was the Van Gogh Museum, in Belgium — instead of McDonalds — I took them to see paintings by Breughel, my favourite artist. I can buy them a Big Mac in Russia... The important thing is not to talk down to them or spoil them, but to treat them as equals to earn their trust and responsibility. When a child from a prosperous family comes to us, we say: if, God forbid, you had been a thief, sniffed glue or got low marks at school, then we would have taken you, but as it is — sorry. Maybe you're being picked on in class? No? Then we suggest you go to an ordinary club and we wish you all the best.

The selection of artists for the circus has become more systematic: in early autumn, from corrective schools and crisis centres with the assistance of the city's social services. Even taking into account the inevitable sifting, about sixty kids in three age groups study at the circus. Eighteen adults work with them, four

Surmounting barriers

At the Friendly Bazar it Upsala Park.

It is a unique place on the Neva embankment — a combination of the best elements of an urban environment and a natural landscape, innovative design and simple comfortable conditions for relaxing with the family. The main principle of *Upsala Park* is freedom of possibilities. Games and amateur shows, visiting musicians and actors, picnics and strolls, fairs and amusements, freedom from the city's standoffishness and cheerless etiquette — that is probably why it is a place where you can really relax.

The *Upsala Circus* summer camp at Valdai. 2008.

Larissa Afanasyeva at the *Flying Children* festival. 2015.

How to support *Upsala Circus*:
<http://upsalacircus.ru/sponsor.html>

of whom started out as circus artists. They try to choose the right role for each of their charges. *Upsala Circus* shows are a synthesis of acrobatics, juggling, magic tricks, clowning, pantomime, trampolining, parkour and break-dancing. There are even elements of dramatic theatre... It goes without saying that it would have been impossible to stage twelve different shows in fifteen years on enthusiasm alone.

‘Our circus is a charity only for the young artists,’ says Larissa Afanasyeva, who has been director of the *Upsala Circus Non-Commercial Social and Cultural Organization* since 2008 — ‘the audience have to pay for their tickets. Our budget is 11 million roubles: we earn almost a third of that sum from our repertoire shows, tours and master-classes for companies and from the sale of souvenirs. The rest comes from sponsorship’.

Surmounting barriers

In the early days they existed on European grants and donations from private individuals, also thanks to Astrid Schorn, but Larissa was very concerned: where to find Russian sponsors? Then she managed to involve some Russian philanthropists, and the current expansion of the *Upsala Circus* is largely down to them. In 2011 the first stationary big top for children began to go up on the Sverdlovskaya Embankment with the support of businessman Igor Vodopyanov. Before that it was literally a travelling circus: they used rented accommodation and performed in gloomy Soviet-style palaces of culture. They moved ten times in the first eight years, and Larissa joked: ‘If they leave you alone, that’s fine’. Then some vigilant citizen would interfere: ‘A circus for neglected children? We can’t have that here, get out’.

...The territory is separated from the embankment by a wall with 29 lions. There are also sculptures of lions at the entrance

Surmounting barriers

to the *Upsala Circus* big top. It is an integral part of *Upsala Park*, an area for family relaxation, entertainments, concerts, master-classes in circus performance and other types of creativity. What was once the pavilion of the dacha's swimming-pool is now the *Circus* cafe, where you can have breakfast or lunch or enjoy a cup of delicious coffee with homemade baking.

This year the eighth *Flying Children* circus festival, subsidized by the St. Petersburg Cultural Committee, took place in *Upsala Park*. In August the *Friendly Bazar* charity fair was held, bringing together more than forty social projects and non-commercial organizations. It should be noted that the park is open to visitors only in summer, but the circus stages shows all year round. 'It would be terribly sad,' says Larissa, 'to look at an empty big top covered in snow with crows all around it. Audiences should be able to laugh in the circus in winter too, with multicoloured lights and the smell of popcorn just like in the cinema.'

The *Upsala Circus* team has organized several fundraising projects for the coming winter season. One of them is *Look After your Nose from your Youth!*: restaurant customers will offered a *Upsala Circus* accessory, a woollen bobble hat that can be pulled down over the nose, together with a 'Nose-warmer' drink. The faces of the campaign are the legendary clown Slava Polunin and the well-known actress Ksenia Rappoport, both of whom were photographed in nose-warmers.

The *Circus Diary* project will feature meetings with figures from the arts world highlighting the mutual links between the circus and the cinema, literature, music, painting and architecture.

Teambuilding for Business offers companies an unusual way of enhancing their corporate spirit: their employees can try their hand at a variety of circus disciplines. By competing in a genuine circus big top, relaxing in *Upsala Park* and having tea

in the cafe they will be helping children from social risk groups to remain with the circus.

So what started with a motorcycle, three clubs and three balls has grown into a major socio-cultural project. And it is still growing: this year a School of Circus Teaching opened in *Upsala Circus*, where specialists from corrective institutions demonstrated the educational potential of circus performance. The participants in another project — *The Circus behind the Wall* — are twenty teenagers from Corrective School No.1 who already have criminal records.

'Our deejays, choreographers and set designers teach the kids to work together, helping them to take a fresh look at their capabilities and eventually achieve success, which will serve as an impulse for the future development of their personalities,' says Larissa. 'The premiere of the show we are rehearsing with them will take place in their own school. We cannot completely change their lives, but we believe that taking part in the project will help them make the right choice at any given moment.'

Now the big top has been gone up in *Upsala Park* she also wants kids from children's homes to come and stay there, if only for a week. That would be enough to rehearse and stage a small show with them, and she hopes that week would be for them a little bell from another life which would ring on grey days and remind them of better things.

I have plenty of plans for improving the circus village, so that when I retire I won't be sad remembering that I couldn't do what I wanted to. I know for sure that I will have to find somebody to take over, train a young manager and then quietly pack my rucksack and go off to some place in India, open a cafe there, smoke cigars and serve delicious food. That's roughly how I see it: a deckchair, a cafe, a warm sea or ocean with children running about, and when they are tired of running I'll tell them all about Upsala Park.

Ksenia Rappoport — the face of the *Look After your Nose from Youth!* fundraising event.

Monologues of Larissa Afanasyeva based on Alexander SLOBODSKOY's film *Let's do it Together!*

The Best Books in the Best Order

KONSTANTIN SHAVLOVSKY HAS CREATED ST. PETERSBURG'S BEST-KNOWN SHOP-CLUB

Valery SHUBINSKY. Photo: Maria Razumovskaya

In the last few years the *Poryadok Slova* (*Word Order*) bookshop has become an important location on the cultural map of the city, and not only because you can always find a great variety of books from 'intellectual' publishing-houses there — from weighty tomes on history and culture to collections of poetry. Lectures, film showings and poetry evenings are held almost every day in a small room adjoining the shop.

This constant stream of events alongside the bookshelves clearly appeals to the shop's director Konstantin Shavlovsky. Indeed, it was his idea in the first place.

For Shavlovsky, a relatively young man (at 32) who is already fairly well known in the city, the shop is far from being the only interest in his life: he is a poet, film director and critic, managing editor of *Seance* magazine and curator of the autistic charity

Anton's Right Here. What made him also want to be a 'bookseller' (to use Pushkin's expression)? And how did the shop on the Fontanka Embankment come into being?

The shop has changed its name and specialization more than once: *Summer Garden*, *Russian Wealth*... It then became the *Alexandriysky Library*. People joked that it was an extraordinarily bold move to give that name to a bookshop, considering the sad fate suffered by the greatest book repository of olden times.

'In summer 2009 I left *Seance* for a short while', Konstantin recalls, 'and Vadim Nazarov, editor-in-chief of the *Amphora* publishing-house, asked me if I would like to open something like *Falanster* (an intellectual bookshop in Moscow. — V. S.) in St. Petersburg. He said his friends had a shop but didn't know how to make it profitable.'

Cultural layer

The *Alexandriysky Library* belonged to the Russian Christian Humanitarian Academy, which was in the same building. The takings barely exceeded three or four thousand roubles a day.

Then on 15 January 2010 the shop reopened, this time on a permanent basis. It is financially independent but retains its formal link with the Academy.

‘We are grateful to the Academy for letting us open this type of shop on their property, even though not all the books we stock or the events we hold are close to their ideology’, says Shavlovsky.

Why was he not afraid to branch out into a new field? Well, there are introverted people in art who are totally immersed in their own work and in a world born out of their own imagination. Then there are people who like to organize and transform existing reality — they do it just for the interest, with no personal profit or gain. Konstantin belongs to the latter category. His phone never stops ringing as he arranges meetings and discusses projects — for film festivals, performances and details of the book trade. And it is obvious that he gets pleasure from it all, resolving problems as they arise.

When he took over the shop Shavlovsky counted on the assistance of friends and colleagues, and they did not let him down. Anna Izaker, who works with numerous publishers, became Stock Director and Evgeny Kryuchkov assumed responsibility for logistics and contracts, leaving Konstantin to concentrate on the cultural side.

‘My experience at *Seance* was a great help. I was able to invite major contemporary film directors to give master-classes at the bookshop: Alexander Sokurov, Alexey Balabanov, Alexey Popogrebsky, Boris Khlebnikov... Our shop was one of the venues of the *Message to Man* festival. And that’s to say nothing about avant-garde cinema and young film directors. By the way, the thrust of our cultural programme also influences our selection: we have lots of books about cinema and theatre.’

The shop attracts progressive young people, but the elderly are just as welcome.

Konstantin Shavlovsky:
'Shops like ours fulfil the function of a 'recommended service'. People come to find what books have been published in a particular field that they can buy or read. There is no point in them looking for them in the large chain shops — they won't find many of the books in our selection there'.

However, the section of contemporary poetry and non-commercial prose is also impressive. The very name of the shop is a reference to a well-known aphorism: 'poetry is the best words in the best order'. And poetry certainly occupies an important place in the bookshop's cultural programme — the *Intercity* cycle of two-person poetry evenings, the Arkady Dragomoshchenko Prize that *Word Order* helped to establish and, finally, the recently published *New Verses* series... Yes, by force of circumstances the 'booksellers' are becoming publishers as well.

Shavlovsky and his colleagues decided, in a fit of idealism, to make entry to all their cultural events free of charge. Certainly the shop's public programme is not a profit-making venture —

Cultural layer

there are expenses, and they are considerable. They try to improve their commercial situation by broadening the selection of books, increasing turnover and opening new outlets — at the Alexandrinsky Theatre's New Stage, and now also in Moscow... This strategy is bearing fruit: unlike many other non-commercial bookshops that have closed within a year or two up to their eyes in debt, *Word Order* has gradually begun to pay its way and stand on its own two feet.

However, the main thing is that the bookshop-club has actually proved to be needed in the city.

'About two years after we opened', says Shavlovsky, 'our projector broke down and we decided to organize a

Cultural layer

crowdfunding, relying on voluntary contributions from visitors. We collected 70,000 roubles in a matter of days! One person alone brought 40,000. That was very important for our morale..'

Bookshop-clubs like the one created by Shavlovsky and his team have started to proliferate in St. Petersburg. Whereas five years ago the city's non-commercial bookshops were obviously in crisis, several new ones have opened recently: *All Free*, *Fahrenheit 451* and *One's Own Books*. Shavlovsky does not think of them as rivals but, on the contrary, believes they are all engaged in a common business, enriching the cultural environment. Neither the economic crisis nor the crisis in paper books that everybody is talking about will deprive them of a future.

'Shops like ours fulfil the function of a 'recommended service'. People come to find what books have been published in a particular field that they can buy or read. There is no point in them looking for them in the large chain shops — they won't find many of the books in our selection there. The Internet is hardly likely to help either'.

Another branch of the shop's activities is also connected with the cinema. Shavlovsky helps to organize and run numerous film festivals in various Russian cities, and the organizers of the festival in Vologda once suggested that he bring a bookstand with him.

'Having books delivered in Russia is expensive both for publishers and booksellers', Shavlovsky explains. 'That is why books from small

At Word Order there is always a selection of new and necessary books. There is also the opportunity to contemplate people like yourself — those who have come to buy books, look at books and talk about books. If you go to Word Order reasonably regularly you are sure not to miss anything of importance in the humanities.

Valery DYMSHITS,
Professor of St. Petersburg State University,
Lecturer at the European University
in St. Petersburg

Is there anything here for pets to read?

There are not too many shops in our city selling intelligent books for intellectuals — for those who are interested in reading a serious book by a French philosopher about St. Paul, not boring popularized trash. Word Order is also one of the well-known intellectual centres in St. Petersburg.

Nikita ELISEEV, writer

publishing-houses never reach regions of Russia, though compared with the expense of film festivals there is not a great deal of money involved!

So rare books from *Word Order* have been following the geography of film festivals — to Ivanovo, to Kaliningrad... The *Edge of the World* festival has been held in Yuzhno-Sakhalinsk for several years — it is a real window on the world for the people of that beautiful island that is, however, out on a limb on Russia's eastern frontier. But books from the St. Petersburg shop reach there too — in the first year takings amounted to 126,000 roubles and in the second, just recently — 270,000. That means that in the few days of the festival the residents of a city with a population of 200,000 bought a thousand books or more...

Konstantin talks about his staff: 'Our oldest sales assistant Olga Andreeva, who came to us from *Summer Garden*, is a real enthusiast and book-lover. Natalya Viktorovna Palladina I have known since childhood — she worked in the famous *Lumiere* video hire shop in the 1990s'.

'These are people of advanced years who symbolize cultural continuity', I asked. 'But what about people of your own age?'

'We couldn't do without them either! It is symbolic that people of various ages work here, including quite young people from different backgrounds. That's because our customers are also from various generations and cultures — we are glad that the shop attracts progressive youth. Occasionally people from

Cultural layer

neighbouring buildings drop in on the off-chance and go on to become regular customers. When I see a young hipster chatting to an intellectual pensioner about books in the shop, I realize that it is for that kind of dialogue that we are in business...'

A cultural space that brings people together is, perhaps, the *raison d'être* of bookshop-clubs. Today there are more and more subcultures, languages, aesthetic tastes and predilections that divide people, and the fact that communications are moving inexorably towards the virtual sphere can only lead to mutual estrangement. Enthusiasts like Konstantin Shavlovsky, who are prepared to spend time and effort to provide the best books in the best order, are giving us back this area of living communication.

Konstantin Shavlovsky:

'For a long time my wife Elena Kostyleva, who is a poet and journalist, has been Development Director of Word Order. It was actually thanks to Word Order that we met. In 2010 she wrote an article about the shop for Big City magazine. Then I invited her for a coffee...'

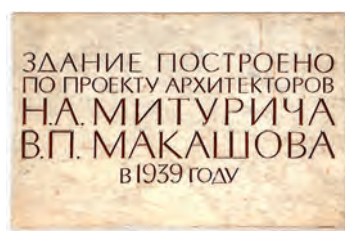
Left:

Dmitry Dubrovsky's lecture
'An Academy between
the State and Freedom'.

25 Years without a Breather

SERGEY SHUB HAS BUILT AN INTERNATIONAL THEATRE-FESTIVAL

Arkady SOSNOV. Photo: the *Baltiysky Dom Theatre-Festival* press office

The memorial plaque in the foyer — part of the theatre's living history.

I wonder what Sergey Shub, General Director of the *Baltiysky Dom Theatre-Festival*, was thinking at precisely 7.14 pm on 30 May 2014 as he looked down from Box C at the packed auditorium — St. Petersburg's *beau monde* mixing with ordinary theatregoers, students lining the walls and standing on the steps? That it was time for the performance to begin and the audience had still not taken their seats? Or perhaps that this was the moment for which he had worked long and hard — to create a new type of theatre whose repertoire is supplemented by festivals of international stature?

That evening's premiere was eagerly awaited not only in St. Petersburg, but particularly in St. Petersburg. Luk Perceval, the internationally known director, was staging his first play in Russia — a mystical, enigmatic and gloomy production of *Macbeth*. In this, his third version of Shakespeare's tragedy, he had plumbed

new depths in the relationship between Man and Woman against the background of Power, and he had decided, for some reason, to stage it here — on the enormous stage of a theatre in a park beyond the Neva...

The choice of director was, of course, not a matter of chance: thanks to Art Director Marina Belyaeva, Perceval had been invited to the *Baltiysky Dom Festival* even before he had become famous and moved from Belgium to Germany. The really fateful moment had occurred six years earlier, when the master had been asked if he would like to stage a production in that theatre. After consulting his laptop, he said he seemed to have a gap in his schedule in spring 2014. And when an open casting consisting of auditions, master-classes and yoga sessions was held in St. Petersburg six years later, Perceval said that he had found his Macbeth, Lady Macbeth and

As early as the 18th and 19th centuries St. Petersburg was called — to paraphrase Algarotti — a window on European theatre. Major European theatre companies staged their productions in St. Petersburg's theatres at that time. The city had resident German, French and Italian companies. These traditions were lost in the Soviet period — we had only occasional contacts with theatrical life abroad. Baltiysky Dom has radically changed this situation, throwing open a window on Europe for the new Russia. This is, without exaggeration, the festival's cultural and historical mission.

Alexander CHEPUROV,
Rector of the St. Petersburg
State Academy of Theatrical Art

The Baltiysky Dom Festival is not a source of income for the theatre. The ticket prices are reasonable, even for star productions — 300–500 roubles. The festival survives mainly on finance from the Russian Ministry of Culture.

Sergey Shub:

'I am convinced that there as many models as there are theatres. Our unique model is a theatre and a festival under the same roof — both have been operating effectively for twenty years and it is important to maintain this balance and mutual influence. And it is no less important to maintain a balance among productions for various categories of theatregoers'.

Rehearsing with a maestro.

Luk Perceval's production of *Macbeth* is an example of a festival project that has become part of the repertoire. According to the director's concept the empty stage, split by shafts of light and barbed wire, is the abyss that has opened in the soul of the principal character.

Right:
Roman Gromadsky has something to remember.

other characters, including the witches, in that group. The joke went around *Baltiysky Dom* that they had passed the European State Examination.

Shortly after the ovations that greeted the premiere had died down, I asked Sergey Shub what he was actually thinking in Box C at that moment and was taken aback by the prose of his reasoning.

'To be honest with you' was the phrase with which he usually set his charm in motion. And he honestly said that Shakespeare in Perceval's interpretation is not vaudeville like *Cocktail for Two Old-Fashioned Eccentrics* or a smash hit like *Return to Love* by Pauls and Evtushenko. Of course, *Macbeth* staged by one of the top ten directors in the world is a milestone on the theatre-festival's chosen path, but... A premiere at the end of the theatre season and the beginning of the dacha-gardening season cannot guarantee full houses for the first ten performances, which serve as a measure of

the quality of the administrative work and the theatre's financial success. No, I suspected that there was a pragmatic manager in this experienced theatre specialist, but to be so... But then he added:

'You know, my colleague Volodya Tykke, our theatre's Principal Director, once told me about a bad dream he had had: 7pm, the third bell and no actors. I told him about my own bad dream: 15th of the month and no money to pay salaries.'

There are two ways of looking at the *Baltiysky Dom Theatre-Festival*. The first is that it is a means of survival dreamed up for the only moderately successful *Leninsky Komsomol Theatre*. The second is that it is a spiritual journey. Which of these views is closer to Sergey's, I wondered. I would suggest that that he is in favour of a balance between the two. When his friend, the former Estonian Minister of Culture Jaak Allik, came to the first festival, he ran his finger along the backs of the actors' photographs in the foyer and said: 'Until you get rid of this dust you will never have a successful festival'. Sergey was not yet director at that time, but he remembered the advice. Today the theatre gleams; considering its size, that requires an enormous amount of work.

Project supported by a St. Petersburg grant

The building, originally intended for Soviet celebrations and folk epics, was constructed during the first five-year plan in the Stalinist architectural style: a monumental facade with columns, an auditorium seating 1,600 people and a stage half the size of Palace Square. At one point in the end-1960s actors Roman Gromadsky, Emmanuil Vitorgan and Pyotr Gorin rode on to the stage on horseback in a production of Fadeyev's *The Rout*. At the dress rehearsal the horses, frightened by a burst of applause from the shock-workers from *Electrosila* who had been sent to watch the performance, galloped on to the proscenium and smashed through the platform covering the orchestra pit. Panic ensued, the celebration of socialist realism fell apart, the premiere was cancelled...

It is amusing how various generations of the theatre's managers have tried to cope with its dimensions — reducing the number of seats, removing the balcony and cutting the stage off from the auditorium to make the space smaller. But now Perceval, Nekrošius, Tuminas and Purcarete use the vast stage to its full extent!

When Sergey became director he introduced his own formula: the theatre had to be warmed by people's breath! The fledgling

theatres of Andrey Moguchy, Viktor Kramer, Ruslan Kudashov and Lev Erenburg built their nests under its roof. It is now home to the *Anatoly Praudin Experimental Theatre* and the *Territory of Theatre* children's club, in which the theatre-festival is grooming its future audiences.

'I am not a philanthropist, I have a mercenary interest,' says Sergey. 'The more events there are on the stage and in the rehearsal rooms, the easier it is for *Baltiysky Dom* to breathe. I sometimes dream of managing a traditional theatre in the city centre with 300–500 seats, but I would probably soon find it boring.'

Shub's own acting experience is limited to the role of Salieri, which he played at school in Arkhangelsk. His mother wanted him to be a doctor and even gave him a phonendoscope as a present, but her son preferred to enter the drama faculty and worked in Leningrad TV's literature and drama department.

'To be honest with you, there are productions by Efros, Tovstonogov and Lyubimov that have appealed to me, but I don't consider myself to be a fan of the theatre, it's just that I don't know how to do anything else. I ran away from television to this theatre

At the beginning of the great undertaking. Left to right: Vladimir Tykke, Gennady Oporkov, Semyon Spivak, Sergey Shub.

Left:

The 91st room in *Baltiysky Dom*, which Andrey Moguchy has turned into a place for theatrical experiments.

It is an unprecedented instance of a repertoire theatre fulfilling the functions of founder, creator and organizer of an international theatre festival, which has become one of the leading festivals inside and outside Russia.

Valery FOKIN,
Artistic Director
of the Alexandrinsky Theatre

At the beginning of the *Baltiysky Dom* Festival. Sergey Shub and Vyacheslav Gvozdkov.

Right:
Lyudmila Ulitskaya after the play
Childhood 45–53: and Tomorrow will Bring Happiness at the *Baltiysky Dom* Festival
2015.

My attitude to Baltiysky Dom is that I have gone to the festival, regardless of how busy I am (I launch a production and immediately set off to stage it in another country). It would be correct to say that the plays can be cultured and uncultured. I look forward to more and more firsts from the festival!

Roman VIKTYUK, Director

to become Gennady Oporkov's head of literature because I was fed up of the bans on leather jackets and beards and the prohibition on showing the director Tovstonogov and the sociologist Yadov...

This assumed dislike for the theatre, or, to be more precise, his somewhat detached, measured view of it, helps Shub to take tough decisions without being afraid of conflicts, as when the company went over to working on a contract basis. It was not immediately successful — our Salieri waited until he had amassed a sufficient number of allies in order to achieve his aim. As a result fifteen promising young actors joined the company. They included Maria Shulga, whom Perceval chose for the role of Lady Macbeth.

His collaboration with Oporkov did not last long: after the outstanding director's death his replacement was lacklustre and the leading actors left the theatre. Shub did not stay long either: he was in demand first at the Theatre on Liteiny and then at the Lensoviet Theatre with Igor Vladimirov. Vyacheslav Gvozdkov, the energetic new Principal Director, was instrumental in Shub's second coming at the theatre in Alexandrovsky Park in 1990 and together they revived the company. It was in Gvozdkov's time that the Leninsky Komsomol Theatre became *Baltiysky Dom* and it was he who first thought of an annual festival to attract the public, for whom the theatre was the last thing on their minds at the end of perestroika — something like the *Baltic Theatrical Spring* that had sunk into oblivion, but based in only one theatre. As Assistant Principal Director for creative matters Shub was involved in the promotion of this project.

Alone or with Gvozdkov he drove his manual transmission car to the Baltic States and further abroad, negotiating with directors he knew in his schoolboy English. The first mini-festival comprised only three companies — from Estonia, Poland and Finland. There was no money and the visitors were accommodated in the flats of the theatre's actors, but names that were unfamiliar to the general public started appearing on posters: Pekka Milonoff, Kaj Chydenius, Elmo Nüganen and, a little later, Eimuntas Nekrošius,

Oskaras Korshunovas and Alvis Hermanis, names that are music to the ears of theatrical gourmets.

According to Sergey, he was trying to cultivate a European trend in the city and to show that there was more to the theatre than just the Stanislavsky method, even though he found by no means all the productions of European theatres aesthetically pleasing.

A few years later Gvozdkov resigned from *Baltiysky Dom*, having been unable to see eye to eye with the city authorities and having no doubt that the festival would die and with it the theatre, the giant of the five-year plans — in the market economy these dinosaurs are the first to die, but Sergey took up the festival baton.

He had plenty of opposition within the theatre. Some did not like the large bills for telephone calls abroad, others were annoyed that the normal repertoire was suspended for two weeks so that some 'tourists' could perform their plays. At theatre meetings Sergey's

Cultural layer

friends Roman Gromadsky and Vadim Yakovlev, who had returned to *Baltiysky Dom* at his behest, appealed to him not to devote his energies to the festival and disrupt the theatre. The delicate and intellectual actor Igor Tikhonenko tried to persuade him: ‘Seriozha, it is we who should be rehearsing here, not Nekrošius’.

Against his will Shub left his post at the theatre, but he did not go far — just under the stairs, where he opened the *Baltiysky International Festival Centre* (fortunately the city provided assistance) and managed to stand on his own two feet. The Artistic Director’s room was a noisy place which attracted theatrical people who felt that the ‘tourists’ brought a breath of fresh air and that there were more pluses than minuses in this creative diffusion. In the theatre, meanwhile, things were going from bad to worse, and in 1996 Shub quite logically took over as its General Director. So it was that the two entities — the theatre and the festival — were naturally united under his leadership.

Not only did he draw up the documentation for the *Baltiysky Dom Theatre-Festival*, consolidating this proud name, its structure

and staff list, but also got it ratified with the city authorities with the support of the then Vice-Governor Vladimir Yakovlev (he was called ‘little Yakovlev’ so as not to confuse him with his namesake the Governor, but a little goes a long way and he did a great deal for culture in the city). So a unique holding company was formed, based on a repertoire theatre generating cultural events of various formats and substance. It can now boast 25 *Baltiysky Dom* festivals, 17 annual *Encounters in Russia* festivals for Russian-speaking theatres in the CIS and Baltic States, 10 *Monocle* biennials of one-person plays...

Not to mention *Days of Russian Culture* in the Baltic States, city festivals (including the *Marine Festival*), the *International Theatrical Universiade* (a postscript to the Winter Olympics in Sochi), the annual *Baltic Star* awards ceremony...

With a schedule like that there is no time to think about the theatre dying. Sergey has his own formula on this score: ‘This job is like riding a bike: if you stop pedalling it will fall over.’ What is most striking is that he has managed to get the administrative

Left to right:
Eimuntas Nekrošius, Donatas Banionis,
Pippo Delbono and Oskaras Korshunovas
visiting Sergey Shub.

Marina Belyaeva, Art Director
of the *Baltiysky Dom Festival*.

Sergey Shub and Rimantas Tuminas at the bench named after Donatas Banionis in Alexandrovsky Park.

Right:
Governor Georgy Poltavchenko confers a special award of the nomination council of the *Golden Soffit*, St. Petersburg's premier theatrical prize, to Sergey Shub 'For broadening the cultural space and strengthening international theatrical links'. November 2015.

I remember the atmosphere at Baltiysky Dom in the early 1990s — difficult, cold. Sausages in the buffet, threadbare walls. It all seemed hopeless at the beginning. It seemed like the last days not only of the building but of the theatre as a whole — a little longer and it would collapse. We were saying goodbye to theatrical art and becoming superfluous to requirements. Now after all this time I'm glad that I was wrong. Every year the festival becomes better, more interesting, richer. It has developed its own taste. There is now an aesthetic in the selection of plays. I look forward to this festival with pleasure — whenever I am planning to stage a new production, I always think how it will be received at Baltiysky Dom. My subconscious is at work. I am very glad that the theatre did not die and that we have not betrayed it.

Rimantas TUMINAS,
Artistic Director
of the Vakhtangov Theatre (Moscow)

mechanism for controlling this machine working properly. The cogs in the machine complement and safeguard each other, but some are calibrated towards the festival and some to the rehearsal and performance of plays, while others (the publishing department and the PR office) serve both the theatre and the festival. Some elements have been borrowed from counterparts in other countries, but they have also developed their own skills: for example, the 'shepherds' — young people who work with each company that comes to the festival. They make excellent executive directors and chief administrators. Those who come are not 'downed pilots' — they are active directors with new productions, and *Baltiysky Dom's* inhabitants feel that they are in a mainstream theatre. Coming into contact with maestros of Perceval's stature and their companies is a learning process not only for the actors, but also for the theatre's

backstage staff and administration — practical lessons in working with lighting, sound, the text of plays and the texts of contracts and the subtitles displayed on the screen. The standard has to be maintained: since the 7th *Baltiysky Dom* festival plays by the host theatre have been featured and do not diverge from mainstream.

Sergey has powerful administrative genes (his father was head of the House of Officers in Arkhangelsk and Director of *Lenconcert*). He is a genuinely creative leader, but in a different way from one of the theatre's legends Gennady Oporkov. Marina Belyaeva, Oporkov's niece who started work in the lighting section of the theatre at the age of fifteen, says: 'Shub never forces you to do anything, but he formulates a task in such a way that you understand: if you can't do it, then there is no point in you being alive. He uses the energy of creative people's ambition — no nuclear energy is necessary'.

Cultural layer

Sergey himself prefers the German term *theatre intendant*: the person who manages the business of a theatre. He can work in tandem with a director or form a production group as Shub the *intendant*, with whom Andrey Buben staged Ulitskaya's *The Green Tent* and Andriy Zholdak *Moscow — Petushki*, actress Natalya Indeykina was entrusted with a risqué production of *West Side Story* with a live orchestra and ballet dancers, and the brutal Macbeth Leonid Alimov made his directing debut with *Stalin. Night*, and each of them spoke to the audience in his or her own language.

But show me a Western intendant theatre that holds so many international theatre festivals! Sergey Shub agrees, though he insists that he is only the captain of a crew that is capable of working 24 hours a day (in the weeks of the festival this is no exaggeration).

In spite of the received wisdom that you should never go into the same river twice, Sergey has come to this theatre three times to rescue it from outsiders who had eaten into its reputation. The point is that he has changed the course of the theatre's life. On festival days even the mighty building, which cynics have compared with a barn, now looks like *Shakespeare Street* or is turned into a fairytale palace by the ITMO University's *Magic of Light* show. The theatre-festival intends to create a cultural area in Alexandrovsky Park in conjunction with the ITMO and its other neighbours — *Lenfilm*, the *Music Hall* and the *Museum of the History of St. Petersburg* (Peter and Paul Fortress).

And it is already taking shape: benches have appeared in the park's central avenue dedicated to people who are dear to Sergey Shub: Oporkov, Banionis, Ginkas, Tumanis, Piletskaya — why not call it an auditorium in the park? Addressing partners, guests and friends at the ceremony in honour of the festival's 25th anniversary in the theatre's spacious foyer which resounded with congratulations, speeches and satirical verses while respectable ageing 'spirits of *Baltiysky Dom*' hopped between the tables, Sergey honestly said that they had been incredibly difficult years, but that they had made him a happy man. He had breathed life into his theatre-festival.

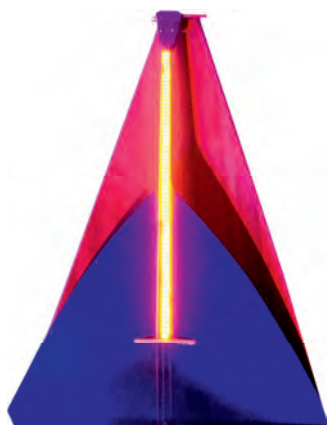
Opening of the latest festival.

Audiences already see *Baltiysky Dom* as a place where something is always happening, when there are some theatres where precisely nothing happens.

Mirror, Mirror, on the Wall...

SERGEY STAFEYEV HAS DEvised THE BEST OPTICAL MUSEUM IN THE WORLD

Sergey LIDOV. Photo: Olga Karatayeva, Maria Razumovskaya and Salima Safarova

A stroboscopic balalaika in which the vibration of the strings can be seen.

Sergey Stafeyev's future career was decided at primary school age when he was sailing with his parents on a steamer to the island of Kizhi and early in the morning, after rain, he saw a rainbow connecting the banks of the deep River Svir. More than that, it was a double rainbow! He stood on the ship's deck transfixed in admiration and afterwards racked his brains trying to understand how such a fantastic sight could be caused by the reflection and refraction of light in drops of water.

The inquisitive schoolboy found the explanation of the rainbow's form and sequence of colours in a book by Yakov Perelman, who not only wrote popular books about science but also founded the famous *House of Entertaining Science* in Leningrad — first on Elagin Island, then in the Sheremetyev Palace, with around fifty clubs, olympiads and competitions in different subjects, astronomic calendars and

exhibits that you could touch, including the model of a rocket based on a drawing by Tsiolkovsky! It also had a physics department with room devoted to optics and a mirror at the entrance which reflected, by means of a shift in focus, not the amazed visitor but a guy with a big moustache.

Sergey wanted to study light — the principal wonder of the world which is around us and within us. His career path was mapped out as straight as a laser beam: the *Leningrad Institute of Fine Mechanics and Optics*, the student scientific society, postgraduate study with a thesis on laser probing of materials. But straight does not mean easy. After defending his Candidate's thesis he had to leave the institute and worked for six years in the electronics industry, which he does not regret. He was persuaded by Vladimir Vasiliev, the new rector of the *LIFMO (now ITMO University)* who wanted

Investing in Intellect

Sergey Stafeyev:

'There are lots of temptations for teenagers these days. So we act like responsible parents — if we want to develop in our children the ability to think creatively, we have to provide them with intellectual entertainment and a way into the world of science and innovation through the museum.'

a progressive teaching staff, to study for a doctoral thesis (again on lasers). Stafeyev was Head of the Physics Department for fifteen years (he is still Dean of the Faculty of Natural Science) and along with his colleague Maxim Tomilin has published three volumes of *Five Millennia of Optics* — a popular scientific encyclopaedia about the study of the nature of light and the mechanism of the field of vision in various ages. However, these quiet professorial pleasures were not enough for him: Stafeyev had the idea of founding a museum to attract young people to science through the magic of optical illusions.

It was a very ambitious project: to bring together man's most important achievements in the field of optics with no building to house them and no money for exhibits or display cases. But then in 2006 fortune played its part: the *ITMO University* had refurbished the ground floor of the former house of the Eliseev merchant family where the *State Optical Institute* had previously been located — three spacious halls and box-rooms had been earmarked for the holding of exhibitions. Stafeyev went to the rector and said: 'Give me those 400 square metres for a museum.' Surprisingly the rector agreed, and the finance arrived just in time when the university's master's degree programme won a competition in the *Education* priority national project. What has a museum aimed at teenagers got to do with that? Stafeyev had the answer: there could be no innovative masters without high-quality bachelor graduates. And youngsters would not even get that far if an interest in optics was not cultivated in them while they were still at school through effects based on the fundamental laws of physics.

A unique exhibit in the museum — a collection of 144 blocks of glass of various sizes that resemble an organ, assembled by the academician Gury Petrovsky.

The holographic portrait of Sergey Stafeyev.

Today the museum's display — from mirror constructions based on Leonardo Da Vinci's drawings to laser alarm systems, modern holograms, CDs and cameras — has become part of the education process, introducing visitors to a whole range of new specialities (optical engineering, optoinformatics, photonics). The influx of visitors is almost as great as that of the Hermitage. The volunteer guides from the university begin their tours at the study of Yury Denisyuk, the founder of colour holography. When they show visitors his self-portrait under a sheet of glass, they always mention that he was a graduate of their university. And Stafeyev, if he happens to be nearby, will add: 'the most outstanding graduate.' And for educational purposes he will show them a facsimile page of the scientist's diary from the time when he was a professor at the *LIFMO*, showing the things he had to do in one day. It would be enough for a year for today's postgraduates!

It seems that the laws of reflection of light also extend to people's lives, if the happy thought of creating entertaining science that could not only be read in books but could be seen and touched occurred to the man who had read the legendary Perelman's work as a boy. Stafeyev has proved that the Museum of Optics is a project, not just an ambitious but half-baked plan, and that a scientist and writer is capable of bringing his ideas to fruition. But laser rays took him even further.

Alkis Lembessis, Director of the *Hellenic Institute of Holography* in Greece, once visited the museum in Birzhevaya Liniya and, impressed by what he had seen, suggested to Stafeyev that they organize a joint interactive exhibition of light installations and holographic, including digital, images. The exhibition ran for two years at the *Natural History Museum* in Heraklion, Crete, but nowhere could be found to hold it in St. Petersburg. Meanwhile, the *ITMO*

Investing in Intellect

University was completing its refurbishment of the first floor of the Eliseevs' house (in pink, with oak panelling and olive-coloured rooms).

'Then I decided to go to the rector again with a cheeky idea: let us have the first floor on a temporary basis. He was sympathetic and let us organize this hullabaloo,' said the professor, not noticing that he had slipped into student jargon. 'At the last moment the city authorities helped us to find an investor, who could not believe that there would be queues of people in Birzhevaya Liniya wanting to look at bits of glass!'

The most eye-catching of these 'bits of glass' are thirteen OptoClones of original masterpieces from the *Faberge Museum* in St. Petersburg. OptoClones, a 21st century invention, are ultra-realistic full-colour holograms illuminated by the very latest LEDs. It means that exhibitions of museum relics can be held in any location in the world without moving the originals. Other uses of digital holography are also impressive — in education, construction and medicine: 3D blueprints, models and tomograms that can be analyzed 'remotely'.

A reasonably well-educated visitor to the *Magic of Light* exhibition can conduct experiments with shadows and plasma balls, play a laser harp, draw with a laser ray, plunge into the 'window of infinity' of a light tunnel, visit an eco-garden with a tree made of light bulbs (an art object on the theme of a healthy way of life and harmony with nature), go for a walk in a forest woven from strings of light, feel the 'look of an angel' on him... In four months 82,000 people have visited the exhibition!

In that time, of course, Stafeyev has not managed to write even a line of the fourth volume of his encyclopaedia about the history of the study of light. And he is unlikely to be able to do so any time soon, as he is heavily involved in devising the concept for a *World of Science* museum in Lakhta, for which *Magic of Light* is a pilot project. The display space will be increased by 6–7 times and other areas of scientific innovation, from the world of water to robotics, will be presented in just as entertaining a way as optics. However, the most important feature of the new mega-museum will be its precise

In 2010 the European Optical Society recognized the *ITMO University* display in Birzhevaya Liniya, St. Petersburg as the best optical museum in the world.

The museum presents a wide range of light phenomena: polarization, refraction, interference, diffraction, holography.

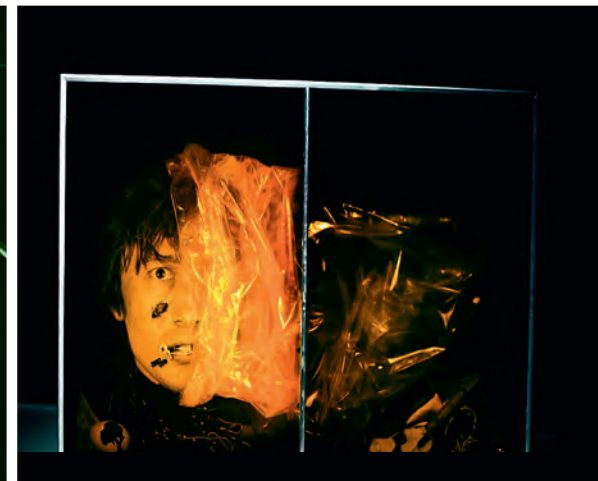
In the *Museum of Optics* you will be shown the effect of refracted light in a dense environment by the example of little balls disappearing in water (this phenomenon, discovered by the great Greek scientist Ptolemy nearly 2,000 years, formed the basis of modern fibre-optics); a magic mirror, invented by the Ancient Chinese, in which the pattern on the back is reflected; a sundial and other astro-archaeological artefacts demonstrating the link between observations of heavenly bodies and mythology, household activity and primitive ancient art, all of which existed long before the appearance of the Greek word 'optics'.

The *ITMO University Museum of Optics* runs guided tours for schools by prior arrangement and is open to the public at weekends. A number of tourist companies in St. Petersburg have included it in their programmes.

Visitors to Magic of Light are literally dazzled by the wealth of light installations, fantastic holograms and OptoClones.

zoning. From the five-storey *Science Show* — a scientific theatre where teenagers can ‘play at science’ — two bridges will lead across a pier to laboratories where youngsters of their own age are studying real science under the watchful eye of students and postgraduates.

‘It is important to maintain this continued activity,’ explains Sergey Stafeyev. ‘The exhibition is aimed at a *Wow!* effect, which we have studied to create. It is a step towards the training of university entrants in specific fields of knowledge. It is quite logical that the St. Petersburg Council of Rectors of Higher Education is one of the partners in the project, along with the City Administration and *Gazprom*.’

He realizes that constructing a vast collective project and finishing a book with the Dalai Lama’s exhortation ‘Share your knowledge. It is the path to immortality’ will have to be done in stages. But what bright prospects there are!..

